

INSPIRIA

Муж и жена.

Один из них – убийца.

НО КТО?

ДОМ ЛЖЖИ

ДЭВИД ЭЛЛИС

INSPIRIA

Ток. Детектив в кубе

ДЭВИД ЭЛЛИС

ДОМ ЛЖИ

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Эллис Д.

Дом лжи / Д. Эллис — «Эксмо», 2022 — (Ток. Детектив в кубе)

ISBN 978-5-04-198325-3

Изощренный, умный и стремительный роман о мести, одержимости и... идеальном убийстве. От автора бестселлеров New York Times. Смесь «Исчезнувшей» и «Незнакомцев в поезде». ЛОЖЬ, СКРЫВАЮЩАЯ ЛОЖЬ Саймон и Вики Добиас — богатая, благополучная семья из Чикаго. Он — уважаемый преподаватель права, она — защитница жертв домашнего насилия. Спокойная, счастливая семейная жизнь. Но на самом деле все абсолютно не так, как кажется. На поверхности остается лишь то, что они хотят показать людям. И один из них вполне может оказаться убийцей... Когда блестящую светскую львицу Лорен Бетанкур находят повешенной, тайная жизнь четы Добиас выходит на свет. Их бурные романы на стороне... Трастовый фонд Саймона в двадцать один миллион долларов, срок погашения которого вот-вот наступит... Многолетняя обида Вики и ее одержимость мстью... Это лишь вершина айсберга, и она будет иметь самые разрушительные последствия. Но хотя и Вики, и Саймон — лжецы, кто именно кого обманывает? К тому же, под этим слоем лицемерия скрывается еще одна ложь. Поистине чудовищная... «Самое интересное заключается в том, чтобы выяснить, каким частям истории — если таковые имеются — следует доверять. Эллис жонглирует огромным количеством сюжетных нитей, и результат получается безумно интересным. Помогает и то, что почти каждый персонаж в книге по определению ненадежен». — New York Times «Тревожный, сексуальный, влекущий, извилистый и извращенный роман». — Джеймс Паттерсон «Впечатляет!» — Chicago Tribune «Здесь откровения удивят даже самых умных читателей. Сложная история о коварной мести, которая обязательно завоюет поклонников». — Publishers Weekly «Совершенно ослепительно! Хитроумный триллер с дьявольским сюжетом. Глубоко проникновенное исследование жадности, одержимости, мести и справедливости. Захватывающе и неотразимо!» — Хэнк Филлиппи Райан, автор бестселлера «Ее идеальная жизнь» «Головокружительно умный

триллер. Бесконечно удивительно и очень весело». — Лайза Скоттолайн
«Напряженный, хитрый триллер, который удивляет именно тогда, когда
кажется, что вы во всем разобрались». — Р. Л. Стайн

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-198325-3

© Эллис Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1. Саймон	10
До Хэллоуина	12
Семь недель спустя	19
4. Саймон	21
5. Вики	23
6	25
7. Вики	27
8. Саймон	29
9	31
День после Хэллоуина	32
До Хэллоуина	36
12. Саймон	37
13. Вики	41
14	45
15. Вики	46
16. Саймон	50
День после Хэллоуина	54
До Хэллоуина	56
19. Вики	58
20. Саймон	64
21	68
День после Хэллоуина	69
До Хэллоуина	73
24. Вики	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ДЭВИД ЭЛЛИС

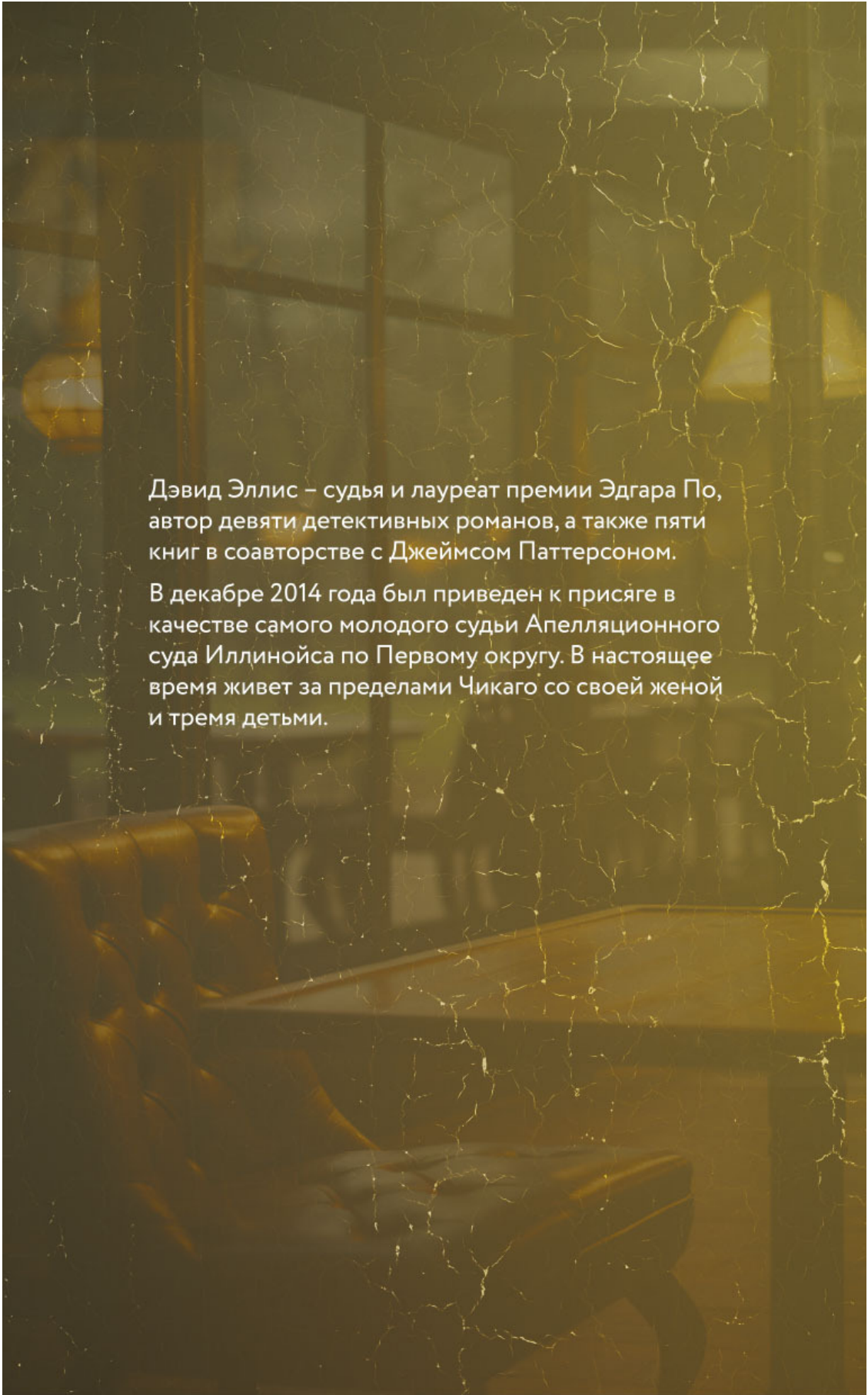
ДОМ ЛЖИ

David Ellis
LOOK CLOSER
Copyright © 2022 by David Ellis

© Екимова Н.В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Дэвид Эллис – судья и лауреат премии Эдгара По, автор девяти детективных романов, а также пяти книг в соавторстве с Джеймсом Паттерсоном.

В декабре 2014 года был приведен к присяге в качестве самого молодого судьи Апелляционного суда Иллинойса по Первому округу. В настоящее время живет за пределами Чикаго со своей женой и тремя детьми.

INSPIRIA

читай и слушай:

Электронная книга

Плейлист

Обои для скачивания

Моей красавице Сюзан

1. Саймон

Я беру зеленый одноразовый телефон, чтобы посмотреть время. На экране 8.51. Девять без девяти. Ряженые ребятишки разошлись по домам два часа назад, когда Грейс-Виллидж погрузилась во тьму, а теперь обитатели этой деревни для богатых укладываются спать.

Полицейские машины наверняка уже патрулируют здешние улицы, как обычно, но на Латроу-авеню они еще не появлялись. По крайней мере, я не вижу их, когда, стоя в передней дома Лорен, смотрю через дверной глазок на улицу затуманенными глазами. Нет, это не слезы. Я не плачу. Хотя я думал, что они придут. Но их нет. Да и потом, скорее всего, тоже не будет. Слезы – это для грусти, сожалений, раскаяния.

Но я и не спокоен – мое самочувствие сейчас вряд ли можно назвать нормальным, вовсе нет. В ушах звенит так, словно где-то далеко заливаются колокольчики, сердце грохочет ТУК-ТУК-ТУК, пульс частит, отзываясь во всех уголках тела тревожной басовой партией, какую не услышишь даже в симфоническом оркестре. И все же моя рука не дрожит, когда я кладу ее на внутреннюю ручку двери – узорную золотистую защелку, какой впору закрывать подвал, полный королевских сокровищ. Вот только за этой дверью для меня нет сокровищ. Только опасность. Меня не должно быть здесь, в доме Лорен.

Обернувшись, я в последний раз окидываю фойе взглядом.

Тело Лорен свисает с площадки второго этажа, почти касаясь мраморного пола пальцами ног. Оно висит неподвижно, ко мне лицом; ее голова, противоестественно круто склоненная вправо, лежит на узловатой веревке, обмотанной вокруг шеи, и кажется, что эта голова вот-вот отделится от тела и, словно мяч, запрыгает по полу. На Лорен костюм кошки, плотно облегающий каждый изгиб ее тела, и маскарадный макияж с усами и треугольной пипкой носа; даже ногти на руках и ногах покрашены черным лаком. Вылитая «Хэллоуин Барби», если такая, конечно, существует. Хотя почему бы ей не существовать – наверняка есть... Туго натянутая веревка тянется от шеи к перилам второго этажа, где обвивает кованые узорные балясины лестничной площадки, с которой наверняка замечательно видно фойе. Я смотрю на Лорен, но вижу не ухоженную женщину в сексуальном наряде, а обвалочный цех на мясокомбинате, где в холодильнике висят на крюках говяжьей туши, целые и частями.

Счастливого Хэллоуина, Лорен.

Я делаю шаг. Под моим ботинком хрустит осколок стекла от большой вазы со сладостями, которая разбилась в фойе. Зачем я пошел к ней – попрощаться? Надеть ей лодочку, которая свалилась с ее левой ноги? Я не знаю. Но намерение уходит, и я возвращаюсь к двери.

Потянув узорчатую задвижку вниз, выхожу на улицу, и ночной осенний воздух врывается в пространство моего капюшона, который закрывает мне все лицо, напрочь лишая периферийного зрения. Я ловлю себя на мысли, что забыл посмотреть в глазок, прежде чем выйти. Какая небрежность... А ведь сегодня не та ночь, когда я могу позволить себе небрежность.

Улицы поселка безлюдны, когда я, Мрачный Жнец с пластиковым пакетом в руке, прохожу мимо деревьев с висящими на них скелетами, мимо могил на ухоженных лужайках перед домами, мимо живых изгородей, подсвеченных оранжевым светом, мимо окон, из которых на меня хмуρο взирают привидения.

Маскарадный костюм прячет не только мое лицо, но и фигуру, однако рост в пять футов¹ и одиннадцать дюймов² не скроешь, и остается только надеяться, что если меня кто-нибудь увидит, то подумает, что это припозднившийся подросток возвращается после сбора сладостей (хотя такое вряд ли, ведь свет здесь выключают строго по часам, и праздник тут же заканчи-

---

¹ 1 фут = 30,4 см.

² 1 дюйм = 2,54 см.

ваются); ну или взрослый, который возвращается с вечеринки (хотя если полиция остановит меня и начнет задавать вопросы, то я не смогу назвать ни имени хозяина, ни номера дома). Остается только идти беззаботным шагом, как человек, чья совесть чиста. Несмотря на черный маскарадный костюм, он ни у кого не должен вызвать подозрения или тревоги – такая уж сегодня ночь. Но все-таки стоит придумать какой-то ответ, на случай если полицейские все же проявят ко мне интерес.

Как сказала мне одна мудрая женщина: «Лучшая ложь та, которая ближе всего к правде». «Иду домой, – скажу я, если меня спросят. – Много выпил».

Должно сработать. Правда, я совсем не пил, но как это докажешь? А насчет того, что я иду домой, то это почти правда. По крайней мере, я иду в том направлении.

Прохожу насквозь поселок, расчерченный артериями пересекающихся улиц, и попадаю в парк на юго-восточной окраине. Сквозная диагональная аллея ведет меня мимо бездомных, спящих на скамейках, мимо качелей и детских городков, мимо кучки подростков на горке, с банками пива в руках, которые они старательно прячут при моем приближении. Я иду, изображая из себя нормального человека, который думает о нормальных вещах. Да, давно я уже не думал ни о чем нормальном, даже отвык...

Я стал ненормальным тринадцатого мая этого года.

С тех пор и по сей день я играю в игру под названием «а что, если». Что, если б я не пошел стричься в тот день, тринадцатого мая? Что, если б декан не задержал меня тогда, вызвав к себе в кабинет, и я вышел бы на улицу на несколько минут раньше? Всего каких-то десять-пятнадцать секунд, и я не встретил бы ее, не узнал бы, что она вернулась.

Но это меня не успокаивает. И я решаю думать о том, что будет дальше. Моя тетрадь. Зеленая, под цвет телефона. Я ведь избавился от нее, так? Развел в камине огонь и жег ее до тех пор, пока от нее не осталась лишь кучка пепла. Или нет? Сжег я ее на самом деле или это мне только приснилось? Если полиция найдет эту тетрадь, то я пропал, моя песенка спета, партия сыграна, я получаю шах и мат.

Однако такие мысли не снижают уровень адреналина в крови, и я прибегаю к старому испытанному средству – начинаю перебирать слова, как делал еще в детстве, когда мне надо было успокоиться, отвлечься и перестать психовать. Например, почему «троллейбус» звучит как автобус для троллей? Или почему «фокстерьер» и «бультерьер» – это породы собак, а «экстерьер» и «интерьер» – нет? Даже не знаю, почему противоречие и странность так привлекают и, главное, успокаивают меня... Может быть, потому, что я сам такой?

Останавливаюсь. Ноги делаются ватными, накатывает изнеможение, пульс зашкаливает, тархтит где-то в горле. А ведь до Гарлем-авеню отсюда рукой подать, еще пара минут – и я выйду за пределы Грейс-Виллидж и окажусь в Грейс-Парк, более крупном поселении, практически городе, где живу я.

Кое-как добредаю до сарая, где лежит оборудование для уборки парка, и ныряю за него. Там, упав на землю, сдергиваю с головы капюшон и прижимаюсь вспотевшим затылком к кирпичной стене. Шарю в пакете в поисках ножа. Когда я был маленьким, этим ножом у нас дома резали индейку на День благодарения. Сегодня я взял его с собой на всякий случай, вдруг понадобится.

Потом достаю зеленый телефон и набираю текст:

«Прости меня, Лорен. Прости за то, что я сделал, за то, что ты не любила меня. Но я нисколько не жалею, что любил тебя так, как никто другой. Надеюсь, там ты примешь меня и позволишь любить тебя так, как не хотела быть любимой здесь».

Покончив с этим, кладу телефон себе на колени, рядом с ножом. Вытягиваю вперед руку, внимательно смотрю на нее. Рука не дрожит, ни грамма.

Я вдыхаю полной грудью и киваю. Я сделаю это. Я готов.

До Хэллоуина 2. Саймон

13 МАЯ 2022 ГОДА

– Знаешь, в чем твоя проблема? – говорит Аншу, хотя я ни о чем его не спрашивал. И вообще, если начать перебирать мои проблемы, то мы просидим здесь до утра. – Твой вид не соответствует твоей роли, – заявляет он, не дожидаясь, когда я произнесу положенную в таких случаях реплику.

– Мой вид... – Я окидываю внимательным взглядом застегнутую на все пуговицы оксфордскую рубашку и синие джинсы. – А что с ним не так?

– Ты одеваешься как студент. Но ведь ты – преподаватель.

– И что мне теперь, носить твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях? Может, еще трубку курить начать?

Я сижу в своем кабинете на четвертом этаже юридической школы с профессором Аншуманом Биндрой, и уж его-то никто не примет за студента. Профессорскую внешность ему подарила сама природа: лицо круглое, как у совы, аккуратно постриженная борода и густой, вечно взъерошенный, что с ним ни делай, куст жестких волос на голове. Аншу откидывается на спинку кресла.

– Саймон, друг мой, Верховный суд Соединенных Штатов только что вынес мотивированное решение, в котором судьи ссылаются на твою работу. Это как если бы все судьи Верховного суда разом повернулись из Вашингтона в сторону Чикаго и громко шепнули нашему ректору: «Пора назначить этого парня профессором». Ты должен собой гордиться. Чувствовать себя новым королем Четвертой поправки³. А ты вместо этого заявляешься в таком виде, как будто на вечеринку студенческого землячества собрался.

– Какое отношение имеет к профессорству моя одежда? Разве не важнее, что я говорю, чему учу, о чем пишу и...

Но Аншу насмешливо складывает пальцы одной руки в подобие клюва и делает ими такое движение, как будто быстро болтает: йада, йада, йада...

– Посмотри на Рейда: вот он выглядит именно так, как положено выглядеть профессору. Спортивный пиджак и брюки, каждый день. Именно брюки, не джинсы.

Рейд Саутерн? Да этот парень для науки – как Поли Шор для драматического театра: родители у него со связями, и все об этом знают.

– Спортивный пиджак он носит, чтобы спрятать брюхо, – говорю я. – А в джинсы, наверное, просто не влезает.

Аншу опускает голову и щиплет себя за переносицу.

– Ну да, ты бегаешь марафоны, и половина твоих студентов наверняка не прочь с тобой подружиться... Зато Рейд выглядит как профессор. Не только выглядит, он ведет себя как профессор. Он слушает у себя в кабинете Моцарта! А ты слушаешь R.E.M., и N.W.A., и еще «Panic! at the Disco».

– Ну, во-первых, – я наклоняюсь к нему, – я никогда не слушал и ни за что не буду слушать «Panic!», тем более «at the Disco». А во-вторых, какое отношение к профессорству имеет музыка, которая мне нравится?

---

³ Четвертая поправка к Конституции США является частью Билля о правах и запрещает необоснованные обыски и задержания, а также требует, чтобы любые ордера на обыск выдавались судом при наличии достаточных оснований, исключая случаи федерального законодательства.

– Да тут не только музыка, тут целый пакет проблем. Вид у тебя... потертый, музыка неправильная и общее отношение тоже... так себе. Вот ты, например, считаешь, что дело не во внешности, так? А я тебе скажу, что внешность имеет значение, да еще какое.

– Нет, я знаю, что имеет. Но меняться ради них? И не подумаю. Да и почему я должен меняться? Дресс-кода в нашей школе нет. Как преподаватель, я куда лучше Рейда Саутерна. Студенты его ненавидят. Я читал их отзывы. Как ученый, он в лучшем случае педант, пишет о вариантах истолкования обоюдного согласия в контрактном праве. Я же пишу о том, что государство систематически нарушает конституционные права собственных граждан.

– Ты чересчур самокритичен, раз уж мы об этом заговорили, – замечает Аншу.

Так, еще и это... Впрочем, почему бы и нет?

– А ты хочешь видеть меня самовлюбленным напыщенным ослом? Господи, Аншу, да ты противоречишь всему, чему учила меня мать.

Аншу выбрасывает вперед руку и тычет в меня указующим перстом.

– Вот что ты сейчас ляпнул Лумису в коридоре? Второй человек в чертовой комиссии по распределению должностей подошел поздравить тебя с тем, что Верховный суд процитировал твою статью, – и что ты ему ответил?

– А что? Не помню.

– Ты сказал: «Наверное, у Верховного суда был сегодня не лучший день».

О, точно, именно так я и сказал.

– А где же твоя благодарность? – продолжает Аншу. – Высшая судебная инстанция страны цитирует твою статью. Это что, каждый день случается? Ты не можешь хотя бы один день немного собой погордиться, походить с видом именинника? Но нет, такое не для тебя, ты даже комплимент не можешь нормально принять, без самоуничужения. И кстати, Рейд не ведет блогов, – ни с того, ни с сего добавляет он.

Я развожу руками.

– А блог-то тут при чем?

– Ты там шутишь. Смешишь читателей.

– А еще я обсуждаю разные судебные решения и анализирую, насколько они верны с точки зрения закона.

– Ты сочинил лимерик⁴ о верховном правосудии Соединенных Штатов.

– Да, и он вышел забавным.

– Ну да, но нельзя же быть таким... нахальным и непочтительным.

– В смысле, нельзя не быть напыщенным? Нельзя не использовать сноски и латинские термины? Ты же знаешь, как я ненавижу сноски и...

– Да, мне известно твое отношение к сноскам. – Теперь он протягивает ко мне обе руки, а его лицо делается умоляющим. – Но профессора-правоведы пользуются сносками! Они сыплют латинскими терминами направо и налево!

А я – нет. Я одеваюсь так, как мне нравится, не подлизываюсь к факультетскому начальству за покерным столом и на коктейльных вечеринках, не пользуюсь латинскими терминами и ни за что, никогда не буду писать эти чертовы сноски.

Ну ладно, положим, это не битва за высоту Сан-Хуан⁵, но для меня это дело принципа.

– Ты сначала получи должность, – продолжает Аншу, – а как станешь профессором, тогда и бросай вызов академическим устоям. А то ты с твоей отрешенностью...

Нет уж, отрешенность – это точно не про меня. Я какой угодно, но только не отрешенный. Я упрямый. А это большая разница.

– Хочешь латыни – вот, пожалуйста, – говорю я. – *Ego facturus est via mea.*

---

⁴ Лимерик – стихотворный жанр английского происхождения, пятистишие абсурдистского содержания.

⁵ Битва за высоту Сан-Хуан – крупное сражение испано-американской войны 1898 г.

Аншу вздыхает.

– А теперь, будь добр, объясни, что это значит.

– Это значит, что я все делаю по-своему.

– Ну конечно, – он разводит руками. – Конечно по-своему.

– А теперь, коллега, извините, но я собираюсь пойти постричься.

– Кстати, и об этом я тоже хотел с тобой поговорить. У тебя слишком длинные волосы и вид...

– Как у студента.

И тут у меня звонит телефон.

* * *

Не прошло и пяти минут, а я уже вхожу в кабинет заместителя декана Мартина Комстока, который по совместительству является еще и председателем комиссии по распределению должностей. Сребровласый, улыбочивый, он всю эксплуатирует расхожее представление о том, как должен выглядеть и вести себя университетский профессор, – даже бабочку носит ярко-красную.

Вообще-то он носит бабочки специально для того, чтобы его об этом спрашивали, и тогда он, как бы нехотя, отвечает, что служил когда-то в аппарате судьи Верховного суда Соединенных Штатов Джона Пола Стивенса, который всегда носил бабочки, а потом был помощником сенатора Соединенных Штатов Пола Саймона, который тоже их носил. «А, это? Это я в память о них ношу, можно сказать, в честь их обоих...»

В следующем году наш декан уходит в отставку, и поговаривают, что именно Комсток возьмет бразды правления. Не все этому рады. Например, я. Комсток пришел в научный мир из политики, и в университете для него главное не наука, а приобщение к элите. Он воплощает все то, что я особенно ненавижу в академическом мире. Во всем остальном Комсток отличный парень.

– А, вот и ты, Саймон, хорошо, – говорит он, когда я стучу в его открытую дверь.

– Приветствую, декан. – Он любит, когда его так называют. Делает вид, будто ему все равно. А на самом деле любит.

Комсток успевает скользнуть неодобрительным взглядом по моему наряду. Для справки: рубашка на мне застегнута на все пуговицы и заправлена в джинсы, чистые и без разрывов. Так что выгляжу я образцово.

– Спасибо, что зашел, – говорит он. – Давай сразу к делу.

Кабинет Комстока, сплошь кожа и ореховое дерево, настоящий монумент его величию, включая коллекцию дипломов, наград и фотографий, на которых он запечатлен с президентами и верховными судьями. Апофеоз величия – кожаное кресло с высокой спинкой и массивный письменный стол, откуда он будет вести со мной разговор.

– Саймон, ты подал на должность профессора, – говорит он, складывая ладони домиком у себя на коленях.

– Да, верно.

– Что ж, хорошо, ты молодец. Отлично поработал. Я это кому угодно в глаза скажу.

Наступает время «но»...

– Пожалуйста, пойми меня правильно, Саймон.

За всю историю человечества никто еще, пожалуй, не ошибся в интерпретации того, что обычно следует за этой фразой.

– Даже не знаю... – колеблется Комсток. – В общем, так. Ты наверняка слышал, что Рейд Саутерн тоже подал на эту должность.

Ну, еще бы! А еще я слышал, что за последние десять лет его папаша подарил школе не менее пяти миллионов долларов, и, как ни странно, началась эта невиданная щедрость, как раз когда его сынок пришел сюда на работу.

– Ага, – говорю я.

– И Рейд, как ты, несомненно, тоже знаешь, пробыл здесь на год дольше тебя.

– Как и то, что профессорская должность всего одна.

– Именно, именно, – говорит Комсток так добродушно и снисходительно, как будто вот-вот бросит мне в рот собачье лакомство. – Это весьма деликатное дело, Саймон, при том что Рейд, как ты понимаешь, располагает высоким уровнем поддержки. Одним словом, ты понял – сейчас его очередь.

По всей стране профессора-адъюнкты то и дело подают на профессорские должности, но так их и не получают. И такое понятие, как очередность, здесь совершенно ни при чем. Кроме, конечно, тех случаев, когда отец будущего профессора – ходячий банкомат.

– Мне очень не хочется... – Комсток начинает махать руками так, словно не может подобрать слова, как будто эта маленькая речь не была заготовлена заранее. – Но было бы гораздо лучше, если б ты подождал следующей вакансии. Тогда мы проведем тебя на должность без отметки о том, что ты уже подавал заявление раньше, но твою кандидатуру отклонили.

– Ты думаешь, что мою кандидатуру отклонят. – Я произношу это без вопросительной интонации, но все-таки скорее спрашиваю, чем нет. Конечно, у нас в школе есть и старорежимные типы, для которых главное – принадлежность к клубу, и они, конечно, будут против меня; но есть и другие, хорошие и честные люди вроде Аншу; для них качество преподавания и выдающееся знание предмета важнее, чем то, как преподаватель одет и с кем общается.

– Что ж, видимо, это не столь очевидно... Но, как я уже сказал, Рейд пользуется значительной поддержкой. Нет, никто не оспаривает твоих научных достижений, Саймон. Ты проделал замечательную работу.

Ну да, и ты это кому угодно в глаза скажешь.

– Что ж, вот я и получил новую тему для размышлений, декан.

Я выхожу из кабинета, чтобы не мешать ему снять телефонную трубку, набрать номер отца Рейда, отчитаться о только что проведенной беседе со мной, *на ту самую тему*, и заверить его, что все прошло как нельзя лучше.

* * *

Я уже опаздываю на стрижку. Обычно я хожу в парикмахерскую пешком, благо до нее всего пара кварталов, но сегодня иду в то крыло школы, которое тянется вдоль Супериор-стрит, и спускаюсь на уличную университетскую парковку. Поскольку на работу я всегда приезжаю одним из первых, то моя машина припаркована в первом ряду.

Подходя к серебристому «Мерседесу»-купе, достаю из кармана связку ключей и, ворovато оглянувшись, с нажимом провожу бородкой ключа по боковой панели машины у дверцы водителя. На серебристой поверхности остается уродливая царапина.

Я очень сожалею, декан.

Ну а теперь – стричься.

* * *

И вот я, вполне прилично одетый профессор-адъюнкт, отправляюсь в парикмахерскую, где старик-русский по имени Игорь (его правда так зовут) укоротит мою шевелюру, а то вдруг еще факультетское начальство решит, что слишком длинные волосы мешают мне выпол-

нять профессорские обязанности. Хотя какая теперь разница, все равно свою кандидатуру мне, похоже, придется отозвать...

Полдень жаркий, парит, когда я иду по Мичиган-авеню, пробираясь сквозь толпу туристов и богатеев, уличных артистов и бездомных, – вот она, наша Великолепная Миля. Честное слово, ее давно уже пора назвать как-нибудь иначе. Но мне не до нее, я обдумываю вещи поважнее.

Например, почему пожилые белые мужчины в черных судейских мантиях, никогда не знавшие нужды и обладающие массой привилегий, должны решать, что чувствует или должен чувствовать афроамериканский подросток, когда его останавливает на улице полицейский? Почему Верховный суд нашего штата не признает, что его решениями по делам о диффамации⁶ всегда руководит представление о «невинном выражении»? И зачем, в конце концов, в слове «расистский» пишут «т», если между двумя «с» ее все равно не слышно? В надежде, что она пересилит союз шипящих?

В глубокой задумчивости я выхожу на Северную улицу, где расположена моя парикмахерская.

И тут мои ноги буквально врастают в тротуар, и я встаю как вкопанный – правда, ненадолго, до тех пор, пока в меня не врежется кто-то сзади, так что толчок буквально бросает меня вперед.

А все из-за того, что я почувствовал тебя. Клянусь, я почувал тебя раньше, чем увидел, как ты выходишь из Блумингдейл-билдинг. Не знаю, почему я сразу тебя узнал. Может быть, из-за формы твоей головы, которая ничуть не изменилась. Или из-за линии подбородка. Или по тому, как ты поджимаешь губы, сосредоточиваясь. Короче, что-то в тебе осталось прежним даже спустя девятнадцать лет. И это что-то буквально крикнуло мне: «Лорен...»

Лорен.

Лорен.

Привет, Саймон, как жизнь?

Отлично, Лорен. А ты как?

...прежде, чем ты повернула ко мне лицо в огромных солнечных очках, как у Одри Хэпберн.

* * *

Это ты. Отпустила волосы, покрасилась на тон светлее, чем раньше, но это все равно ты.

Ты ступаешь на тротуар; в каждом твоём шаге – упругая гибкость, уверенность женщины, привыкшей лавировать в толпе, не обращая внимания на устремленные на нее взгляды. Ты шевелишь губами. Сначала я не вижу телефона, но вот порыв ветра приподнимает твои волосы, и я замечаю беспроводной наушник.

Обычно, когда я хочу избежать нежеланной встречи или скучного разговора, то хватаюсь за телефон. Прижимаю его к уху, наклоняю голову, как будто связь плохая, и прислушиваюсь. По крайней мере, в коридорах родной юридической школы я делаю именно так.

Но теперь мне не до телефона.

Нечего тут стоять, как коралловый риф, омываемый течением со всех сторон. Люди вокруг меня движутся, и я тоже должен двигаться навстречу тебе, с такой же незамутненной уверенностью, как и ты. Но я не могу. Я близок к коллапсу. Ноги отказываются служить мне. Сердце колотится так, что я слышу свой пульс. Внутренности сводит.

Ты проходишь мимо, и я ощущаю аромат твоих духов. Они не те, что раньше.

---

⁶ Диффамация – недостоверная и порочащая информация.

Меня ты не замечаешь. Наверное, вокруг слишком много людей или ты слишком занята разговором. А может быть, ты не заметила бы меня, даже если б уперлась в меня взглядом. Ведь я для тебя всего лишь далекое воспоминание, не правда ли? Да и помнишь ли ты меня вообще?

Я поворачиваюсь и иду за тобой следом.

– Э, нет, спасибо. По-твоему, это называется вести себя достойно? – задаешь ты вопрос своему телефонному собеседнику, хотя по твоей интонации ясно, что для тебя это вовсе не вопрос. Ты смеешься.

Твой смех совсем не изменился. Значит, это точно ты.

На тебе розовое платье, подчеркивающее достоинства фигуры. В руке у тебя два пакета с покупками. Значит, деньги у тебя есть. Неудивительно. На пальце кольцо с крупным камнем. Тоже ничего странного. Ты всегда с легкостью притягивала внимание богатых мужчин.

Вот подойти бы к тебе сейчас сзади, хлопнуть по плечу: *Эй, незнакомка, помнишь меня?*

А потом схватить тебя за руку: *ЭЙ, ПОМНИШЬ МЕНЯ, ЛОРЕН?*

Соблазн так велик, что я приказываю себе остановиться и пропустить тебя вперед.

Я замечаю, что на тебя оборачиваются все – и мужчины, и женщины. Ну еще бы, ты ведь настоящее произведение искусства. Но ты наверняка это знаешь, а потому не сбавляешь шаг.

Ноги у меня по-прежнему ватные. Рот полон желчи.

Ты переходишь через Чикаго-авеню иходишь в какое-то здание.

Если я войду туда за тобой и окажусь в фойе дома для богатых, то тут же перестану быть анонимным. Люди не входят в фойе таких домов просто так, без дела.

Ну и пусть. Я даю тебе пять секунд форы и захожу во вращающуюся дверь. За ней открывается просторное, прохладное, со вкусом украшенное, до блеска отполированное фойе богатого жилого дома в самом центре города.

– Миссис Бетанкур! – окликает тебя мужчина за стойкой портье. – Вы приехали на выходные?

– Нет, зашла оставить кое-какие вещи, Чарли, – отзываешься ты. – Как дети?

Бетанкур. Бетанкур.

Ты замужем, Лорен.

Я выскакиваю на жаркую людную улицу, где пешеходы тут же окружают меня со всех сторон, толкают; моя нога соскальзывает с тротуара на проезжую часть, громко сигнализирует автомобиль...

Я снова заскакиваю на тротуар, чудом не попав под колеса такси, мчащего по Мичиган-авеню к югу. Чтобы удержать равновесие, хватаюсь рукой за капот другого такси, припаркованного рядом. Капот горячий от солнца.

– Ты, придурок, чё надо? – Из окна высовывает голову таксист, поджидающий седока.

Поднятием руки попросив прощения, я бреду дальше, сам не зная куда. На ходу мотаю головой и шепотом твержу:

– Бетанкур. Бетанкур.

Бетанкур Бетанкур Бетанкур Бетанкур.

* * *

Оказывается, в Чикаго и его окрестностях живут дюжины женщин с такой фамилией. Но только одну из них зовут Лорен. И это ты. На фото в своем профиле в «Фейсбуке»⁷ ты в облегающем белом платье и огромной шляпе, как на дерби в Кентукки⁸, поднимаешь бокал

---

⁷ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей «Instagram» и «Facebook», принадлежащих компании «Meta Platforms Inc.», была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

⁸ Дерби Кентукки – конные скачки, проходящие в крупнейшем городе штата Кентукки, Луисвилле, в каждую первую

игристого вина, губы сложены бантиком. Неужели ты впрямь была счастлива, когда позировала для этого фото, Лорен? Или ты думала: «Вот будет отличная картинка для моего профиля в “Фейсбуке”»? Что это было – фейк, когда человек хвастается тем, что он делал, где побывал, но на самом деле было просто скучно? Или для тебя важнее то, как видят тебя другие люди, чем как ты видишь себя сама? Тысячи друзей и тысячи лайков под сотнями твоих фото крошечными окошечками в твою жизнь последних десяти лет. Вот ты на вершине Эйфелевой башни, вот – на сафари в Африке, на Таймс-сквер, снова с бокалами, на льдине озера Мичиган; триатлон⁹, какое-то соревнование, где ты барахтаешься в грязи... Ты никогда не одна, вокруг тебя люди, друзья, привлекательные мужчины, загорелые и счастливые, гламурные и сексуальные, полные задора, энергии и свободы...

Ты замужем за человеком по имени Конрад Бетанкур. Детей у вас нет. И ты не живешь в Чикаго, кстати. Твой дом в Грейс-Виллидж, в деревне к западу от города. И по соседству со мной, ведь я живу в Грейс-Парк.

Что ж, добро пожаловать домой, Лорен.

* * *

Дыши глубже, Саймон. Прибегни к языковым играм. Делай что-нибудь. Дыши. Почему «кейс» – это и «чемодан», и «случай»? Еще вдох.

* * *

По какому неписаному, но нерушимому правилу мы всегда ставим размер впереди материала? Почему «большая мраморная статуя» лучше, чем «мраморная большая статуя»? И почему «черное маленькое платье» и «маленькое черное платье» – не одно и то же?

Почему размер должен стоять перед возрастом? Почему обязательно «невысокая старая дама»? А «старая невысокая дама» – это уже что-то другое?

Почему нельзя сказать «старая невысокая милая дама»?

Глубокий вдох.

* * *

Воспоминания возвращаются, накатывают как волны. Но не уходят, а остаются внутри меня, сгущаясь и разрастаясь, как опухоль, которая отравляет кровь. Я должен остановиться. Должен забыть, что видел тебя. Ты давно в прошлом. Вот и оставайся там, в зеркале заднего вида моей жизни. Мне уже лучше. Я знаю, что лучше. Вики говорит, что лучше. Я не могу вернуться туда. Все хорошо, все в порядке.

Я знаю, что сделаю. Отправлю тебя назад, в прошлое. Я отправлю тебя в прошлое, Лорен. Ты – вчерашняя новость, Лорен, заявляю тебе это со всей ответственностью. Ты – новость девятнадцатилетней давности.

Вот так-то. Теперь я возьму и забуду, что видел тебя.

субботу мая с 1875 г.

⁹ Триатлон – вид спорта, представляющий собой мультиспортивную гонку, состоящую из непрерывного последовательного прохождения ее участниками трех этапов: плавания, велогонки и бега.

Семь недель спустя

Июль

3

ПОНЕДЕЛЬНИК, 4 ИЮЛЯ 2022 ГОДА

– О... божье... мой, – прошептал я. Хотя впервые за многие годы я пришел сегодня в клуб именно потому, что надеялся – ты тоже будешь здесь, на празднике Четвертого июля¹⁰. Хотя я не перестаю думать о тебе с того майского дня – какого «того дня», хватит обманывать себя, это было в пятницу, 13 мая, в 14.04 – когда ты прошла передо мной на Мичиган-авеню. Хотя я уже не раз пытался подстроить «случайную» встречу с тобой. И даже, как школьник, репетировал перед зеркалом, что я скажу тебе, когда мы окажемся лицом к лицу.

И все же, когда я смотрел на тебя, Лорен, как ты стоишь в патио клуба, на краю поля для гольфа, меня охватило такое ощущение чистоты, свежести и порядка, как будто я увидел тебя впервые.

Я развел руки ладонями вверх, как будто только что наколдовал тебя сам. Колдовство – вот подходящее для моего ощущения слово.

– Это... ты.

Ты была в белом летнем платье с открытыми плечами. Загорелая. И снова в тех очках, как у Одри Хэпберн. Волосы забраны назад. С тобой были друзья, вы весело смеялись, но тут ты, должно быть, поймала периферийным зрением какое-то движение сбоку и повернулась. Мне хочется думать, это случилось потому, что боги улыбнулись нам и послали волшебное озарение, которое и заставило тебя повернуть голову.

– Это же ты, – ответила ты тогда на мое приветствие, снимая очки и щурясь от солнца. Мне показалось, что ты совсем не удивилась. – Саймон, – добавила ты так, словно тебе нравилось выговаривать мое имя.

Ты отошла от своей компании, в которой, как я успел заметить, не хватало твоего мужа Конрада. Я сразу оценил твой жест – значит, в твоих глазах наша первая встреча, по крайней мере первая за девятнадцать лет, заслуживала некоторой приватности, хотя нас и окружали человек двести – люди, которые собрались в клуб на праздничное барбекю с фейерверками в честь празднования Четвертого июля.

– Как ты... что ты... – я не знал, как закончить предложение.

– Ой, я же вернулась в город, – сказала ты. – Вернее, в деревню.

– Ты живешь в Грейс-Виллидж?

– Ну да. Я замужем, живу здесь уже несколько лет... А ты по-прежнему в Грейс-Парк?

– В том же доме.

Ты кивнула:

– У меня была такая мысль. Я думала, что мы встретимся как-нибудь здесь, в клубе. Твоя семья ведь была среди его членов. Я... даже хотела тебе позвонить, разбить лед и все такое...

Я махнул рукой:

– Не беспокойся. Это было... давно.

Мне показалось, что ты испытала облегчение от этих слов. Настоящее облегчение, как будто с тебя сняли тяжелый груз, и ты улыбнулась мне с благодарностью.

---

¹⁰ День независимости США.

Я думал, что буду волноваться. Я столько раз подробно продумывал разговор, что был уверен – я буду заикаться, мямлить, обливаться потом и не знать, куда девать руки. Но едва я увидел тебя, вся нервозность прошла; правда, вместе с ней исчезли слова, которые я сочинял... Просто мы с тобой опять были вместе.

– Ты женат? – спросила ты, увидев золотой ободок кольца у меня на пальце.

– Почти десять лет. Ее зовут Вики.

– Она тоже здесь?

Нет. Вики здесь не было. Загородный клуб для снобов – последнее место, где Вики хотела бы появиться, даже в гробу.

– Она не смогла прийти. – Наверное, я не сумел сохранить непроницаемое выражение, потому что твое лицо тоже изменилось, как будто ты поняла, что нечаянно задела больное место.

Девятнадцать лет назад, Лорен, ты была красоткой; теперь стала прекрасной женщиной. Ты повзрослела, обрела мудрость, зрелость. Горячая двадцатилетняя помощница юриста, метеором мелькнувшая на небосклоне юридической фирмы моего отца, исчезла; ее место заняла искушенная, уверенная в себе женщина, для которой прожитые годы не прошли даром – она знала цену себе и своему положению.

Меня беспокоило, что я не рассказал тебе о том, как видел тебя на Мичиган-авеню в мае, не открыл, что единственной причиной, почему я сам заявился на этот глупый праздник в «Грейс кантри клуб», была надежда встретить тебя – ведь я заглянул в список членов клуба и увидел там тебя и твоего мужа Конрада. Так что мое «удивление» при встрече с тобой было не вполне искренним. Меня беспокоило, что нечто новое и, возможно, серьезное между нами начинается с фальши.

И тогда я сказал себе: «О'кей, одна безобидная маленькая ложь в самом начале, и все. Большие я никогда не буду лгать тебе, Лорен».

По дороге домой я заехал в магазин и купил эту спиральную тетрадь – самую обыкновенную, в зеленой обложке. (Зеленый – это ведь цвет свежести и новизны, так, кажется.) Лорен, если б ты знала, как давно я уже не вел дневник, как давно... Я перестал записывать свои мысли. Может быть, потому, что мне больше нечего было сказать. Конечно, у меня есть блог о юриспруденции, и я пишу статьи о юриспруденции, и со студентами я говорю о юриспруденции, и вообще юриспруденция уже давно вошла в мою плоть и кровь, стала воздухом, которым я дышу, моим хлебом насущным. Да и о чем еще мне говорить? О жене, которая меня не любит? О браке, который зачерствел без любви? О своих персональных достижениях?

Итак, настало время вернуться к дневнику – здравствуй, Зеленая Тетрадь, – потому что теперь мне есть о чем писать, Лорен. Точнее, о ком.

Я буду писать о той, которая согласилась выпить со мной кофе на следующей неделе!

Ведь нет ничего плохого в том, чтобы выпить с кем-то кофе?

4. Саймон

Это большой риск. Просто сидя в машине в восемь утра на улице, где живет Лорен, недалеко от ее дома, можно нажать себе неприятности. Таковы уж эти дома на центральной улице Грейс-Виллидж, эти приманки для туристов, которые мы раньше называли «особняками Латроу». Но дело, конечно, не в домах, а в их обитателях, вернее, жемчугоносных обитательницах – представьте, в наши дни многие из них звонят в полицию, едва завидев на улице кого-то «не из нашего квартала». Правда, обычно подобная подозрительность не распространяется на меня, сорокалетнего белого мужчину в респектабельном внедорожнике, но кто знает... Стоит задержаться здесь подольше, и кто-нибудь наверняка заметит, а там и полиция пожалует – подъедет патрульная машина без мигалки, из нее выйдет полицейский и примется задавать вопросы. «Добрый день, сэр. Нужна помощь? Могу я поинтересоваться, что вы здесь делаете? Можно посмотреть ваши документы?»

И что я ему отвечу? Что я, университетский преподаватель, пользуясь тем, что в начале июля занятий нет и рабочих часов мало, торчу под окнами бывшей возлюбленной и ее мужа, подглядываю за ней, за ним, за ними обоими, чтобы узнать хоть что-то об их жизни? Никуда не годится.

Вот почему я совсем не хочу привлекать внимание полиции – стоит им появиться, и скандал обеспечен. Может быть, даже придется оплатить штраф за нарушение правил частной парковки... Да вдруг еще Лорен ненароком выглянет в окно, и что же она увидит? Ба! Старина Саймон Добиас сидит в машине почти под самыми ее окнами... Жуть!

Я здесь родился – правда, не на этой улице. Я живу в Грейс-Парк, где большинство населения составляет средний класс, причем вполне прогрессивный – спросите любого, вам каждый скажет. Но в начале 1800-х, когда Мортимер Грейс основал Грейс-Парк, он выделил кусок земли размером в три квадратных мили¹¹, застроил его отдельными домами и дал ему особое название – Грейс-Виллидж. Дело в том, что взгляды Мортимера на вопросы класса, религии и расы нельзя назвать просвещенными по сегодняшним стандартам. Он хотел, чтобы в Виллидж его соседями были только богатые белые англосаксонские протестанты, то есть такие же, как он сам.

Теперь ограды вокруг Виллидж нет, как нет и ворот, входившие в которые дозволялось не каждому, да и в правила поселка еще в 1940-е были внесены исправления, убраны оскорбительные формулировки; однако многие и теперь считают, что поселок в общем-то не изменился со времен Мортимера. И в первую очередь это касается богатства его обитателей. Мало кто из местных детей ходит в среднюю школу «Грейс Консолидейтед», как я в свое время; нет, они учатся в частных школах. А после университетов возвращаются сюда со своими семьями, чтобы растить собственных детей. В Виллидж есть семьи, которые живут здесь уже шестое-седьмое поколение.

Лорен тоже не местная. Она родилась в Олд-Ирвинг-Парк на севере Чикаго и жила там, когда я впервые увидел ее в фирме моего отца: она работала у него помощником юриста, а я был студентом и подрабатывал мальчиком на побегушках. И вот, полюбуйтесь, теперь она живет в роскошном особняке, больше похожем на дворец, а ее муж Конрад Бетанкур старше нее на пятнадцать лет, дважды разведен и управляет делами одного из самых успешных хедж-фондов¹² в мире...

---

¹¹ 1 миля = 1,61 км.

¹² Хедж-фонд – инвестиционный фонд, ориентированный на максимизацию доходности при заданном риске или минимизацию рисков для заданной доходности. Представляет собой пул активов инвесторов, управляющийся профессионалами в интересах инвесторов.

Подозреваю, что я уже исчерпал весь лимит везения, отведенный мне для игры в шпионы на этой неделе. Но и сведений я тоже собрал немало. Вырвав страницу из зеленой тетради, просматриваю записи.

Каждое утро, ровно в шесть, за Конрадом Бетанкуром заезжает городской автомобиль и увозит его в сторону скоростного шоссе, ведущего в центр. Сначала у него тренировка в клубе «Восточного банка», затем он направляется на работу, в офис в здании «Сивик-Опера» на Вакер-драйв. Домой он может вернуться в любое время – по крайней мере, всю эту неделю, что я слежу за ними, было именно так.

Лорен, судя по всему, не работает. Всю эту неделю она каждый день играла в теннис в «Грейс кантри клуб». После тенниса был гольф. Два раза за неделю она обедала в городе без Конрада, но с группой женщин. После этих обедов не возвращалась домой, а оставалась ночевать в своем кондоминиуме на Мичиган-авеню.

Дома, в Грейс-Виллидж, она каждое утро отправлялась на пробежку, делала три или четыре мили по городу и возвращалась к 8.30.

Бег, теннис, гольф. Неудивительно, что ты так хорошо выглядишь, Лорен.

Двое девочек-подростков проходят мимо моей машины по тротуару, болтают, глядя в телефоны, задерживаются ненадолго – померанский шпиц, которого они ведут на поводке, остановился, чтобы понюхать пожарный гидрант. Одна из девочек замечает меня, ее взгляд ненадолго задерживается на мне. В ушах у меня наушники, и я начинаю говорить, как будто по телефону; сам не знаю, почему мне кажется, что если сидеть в припаркованной машине и разговаривать, то это выглядит менее подозрительно, чем сидеть молча.

Господи, чем я занят? Надо остановиться. Бросить эту затею. Забыть, что я вообще видел тебя, Лорен. Забыть и двигаться дальше, как я уже сделал один раз. Вот только второй раз у меня не получится...

Вряд ли я теперь отпущу тебя снова.

5. Вики

Администратор отделения срочной медицинской помощи бросает взгляд на удостоверение, висящее у меня на шее на специальном шнурке, и кивает. С ней мы еще не встречались. Многие ее коллеги узнают меня в лицо.

– Точно. Я – Вики из «Тихой гавани». Пришла к некоей Брэнди Стрэттон.

Сейчас около восьми вечера, в отделении затишье. Какая-то женщина сидит, обняв своего малыша, а тот, шмыгая носом, играет во что-то на планшете. Неподалеку от них мужчина, его рука обернута полотенцем, рядом с ним – женщина.

– Шторка номер шесть, – говорит администратор. – Но ее еще зашивают, так что ты присядь пока, посиди.

– Ладно.

У меня звонит телефон: время вечернего созвона с Эм-энд-Эмс: Марисей и Мейси, дочками моей сестры. Я делаю шаг к автоматическим дверям, чтобы выйти наружу, и едва не сталкиваюсь с каталкой – женщина на ней гримасничает от боли, но стойчески терпит, пока парамедики торопливо везут ее внутрь.

Я вставляю в уши наушники и принимаю звонок. На экране появляются сразу обе – Мейси, ей десять, и Мария, от-тринадцати-до-девятнадцати. Обе пошли в мать, мою сестру Монику, – такие же красотки, какой была она, с темными миндалевидными глазами и роскошными темными волосами – детали внешности, которые мне, увы, не достались. Помню, в юности я еще шутила, что у нас с сестрой, наверное, отцы разные. То есть я думала, что шучу, а на самом деле вполне могло быть и так.

– Привет, мартышки! – Я стараюсь, чтобы это прозвучало задорно, но с задором у меня всегда было плоховато.

– Привет, Вики, – отвечают они хором, сблизив мордашки, чтобы уместиться в один экран. – Мы перезваниваем, – говорит Мария. – Когда ты звонила в первый раз, мы были в бассейне. А потом папа сказал, что мы должны позаниматься на фортепиано, прежде чем звонить.

Что ж, разумно, потому что иногда мы разговариваем очень подолгу. Но не в этот раз – сегодня меня ждет Брэнди Стрэттон, шторка номер шесть.

Сегодня я сама позвонила девочкам раньше, просто для проверки. Хотела убедиться, что они помнят, какой сегодня день – годовщина смерти их матери. Обычно все помнят дни рождения, а о днях смерти забывают. Со мной все наоборот. Я часто забываю день рождения сестры, но день, когда она умерла, помню всегда.

А вот они, похоже, забыли. Для них сегодня – такой же день, как и всегда, с гувернанткой и подружками у бассейна. Ну и ладно, не буду напоминать. Кажется, они уже оправились. Мейси, младшая, правда, еще не настолько, как сестра, но, похоже, обе живут нормальной, счастливой жизнью. По крайней мере, судя по тому, что я вижу на экране, все у них хорошо, а в последнее время все мои контакты с племянницами сводятся к разговорам по телефону. Хотя не стоит обольщаться – даже когда разговариваешь с подростком вживую, в душу ему все равно не заглянешь.

– Я на работе, – говорю, – так что придется нам созвониться завтра. Мейси, а тебе спать еще не пора?

– Но сейчас же лето!

Я возвращаюсь в отделение. Администратор за стойкой кивает мне.

– Ладно, принцессы, мне надо бежать. Завтра поговорим, да? Пока-пока, обезьянки!

– Шторка номер шесть, – напоминает администратор. – Дорогу знаешь?

Еще бы мне не знать.

Нажатием кнопки администратор открывает внутреннюю дверь, и я, петляя между кроватями и занавесками, пробираюсь к шторке номер шесть. В палате пахнет как обычно – дезинфекцией, немывтыми телами, алкоголем. За одной шторкой стонет мужчина, за другой – воинственно кричит пьяный.

У моей шторы стоит молодая женщина, она из полиции.

– Социальная служба?

– Точно. «Тихая гавань». Офицер Гилфорд?

– Да, это я. – Девушка кивком указывает мне на спокойный уголок, сразу за кроватью, и мы идем туда. – Ее отлупил муж. Точнее, избил сковородой. Наверное, ему не понравился обед, который она приготовила. Даже не дождался, пока сковорода остынет... Потом еще добавил кулаками.

Я отвожу глаза.

– Но подавать жалобу она не хочет.

– Да уж куда там. – Офицер Гилфорд пытается сохранять профессиональную отстраненность, но отвращение и разочарование в людях не спрячешь, к ним не привыкнешь – чем больше таких историй видишь изо дня в день, тем они сильнее.

– И дочка у них есть?

– Да, хорошенькая такая, зовут Эшли. Четыре годика.

То же записано у меня в сопроводительных бумагах.

– А эту скотину зовут... Стивен?

– Стивен Стрэттон, да.

Я отодвигаю занавеску. Мать, Брэнди, двадцати двух лет, сидит на больничной койке, дочка, Эшли, спит у нее на коленях. Малышку, слава богу, он не тронул. У Брэнди полностью заплыл правый глаз, левая сторона лица забинтована. Правое предплечье тоже забинтовано – судя по протоколу снятия побоев, она прикрывалась рукой от горячей сковородки.

Брэнди оглядывает меня с головы до пят, видит удостоверение, читает.

– Привет, Брэнди, – говорю я тихо, на всякий случай, хотя малышка вряд ли проснется. – Я Вики, из «Тихой гавани». Ты можешь переночевать у нас.

– Нет, мне нельзя... – Она отводит глаза, свободной рукой убирает прядку волос за ухо. Возвращаться домой, вот чего ей нельзя. Сегодня – и вообще никогда.

Но она вернется. Они все возвращаются, почти все. А он будет просить прощения, осыпать ее знаками внимания, смешить ее, заботиться, делать все, чтобы она почувствовала себя любимой. И виноватой. Она станет говорить себе, что сама виновата и что куда ей идти, с ребенком-то, и так далее, и тому подобное... Ну а потом, как говорится, смыть и повторить.

– Выбор за тобой, Брэнди. Мы не многое можем предложить. Комнаты у нас на двоих, кондиционеры паршивые, так что в основном пользуемся вентиляторами. Зато у нас тихо, никто не дерется. На дверях замки, у дверей дежурит охрана. Может... может, вы с Эшли заслужили ночь спокойного сна в безопасном месте?

«Может быть, ты поедешь со мной в убежище, а потом согласишься, что лучше тебе оставить эту драчливую скотину, которую ты называешь мужем?» Иногда жертв удается убедить, и они остаются у нас на две недели – больше нельзя. За это время мы приглашаем им психотерапевта и государственного адвоката, который помогает добиться судебного запрета на контакт мужа с бывшей женой и подать на развод. А потом находим им альтернативное жилье.

Но для этого надо, чтобы она сказала «да». Чтобы стала бороться за себя.

6

Пятница, 15 июля 2022 года

Итак, я в который раз мысленно проследил последствия своих кошмарных деяний, и вышло вовсе не плохо – лучшие, чем я ожидал.

Я не был уверен, что это вообще случится. То есть сказать кому-то: давай встретимся, выпьем кофе – это одно, а сделать – совсем другое. Назначенную встречу всегда можно отменить. Или перенести раз, другой, а потом просто не ответить на эсмэску. И все будет выглядеть так естественно, что и не поймешь, то ли кому-то просто не хотелось встречаться, то ли все случилось – или, вернее, не случилось – само собой, как многое в жизни. В общем, никто не виноват, «ничего не было – не о чем и беспокоиться» и т. д.

Я практически убедил себя в том, что, когда мы встретились с тобой в клубе, ты приняла приглашение на кофе только из вежливости – а что еще ты могла сказать? Сначала пообещать, а потом спустить все на тормозах, и дело с концом.

Но ты пришла, Лорен, пришла в «Кафе Макса», как и обещала, – в белом костюме для тенниса, с волосами, собранными в хвост, пропущенный в петлю на бейсболке.

Потом ты долго расспрашивала меня о моей жизни, что, конечно, является признаком воспитанности, проявлением хороших манер и все такое, вот только я совершенно этого не ждал. И потому не стал врать или пытаться преподнести тебе глазированную версию действительности, Лорен. Ведь я поклялся, что никогда больше не буду тебе врать, – и сдержал слово.

И про Вики тоже рассказал, как оно есть. Все началось невинно, обычный светский разговор: ты спросила, чем занимается моя жена, давно ли мы женаты, и я опомниться не успел, как уже выложил тебе все про нищее детство Вики в Западной Вирджинии, про то, как в семнадцать лет она убежала из дома, как подседа на наркотики и вынуждена была делать ужасные вещи, чтобы не умереть с голоду. Не умолчал и о том, в каком ужасном состоянии она была, когда мы с ней встретились, – я и сам был тогда не лучше, хотя по другим причинам, – и как мы, поддерживая друг друга, помогли друг другу вернуться к нормальной жизни. Я говорил тебе, Лорен, как горжусь своей женой и как много мы с ней значим друг для друга, – и так расчувствовался, вошел, можно сказать, во вкус, что незаметно выложил тебе все как есть, то есть абсолютно ВСЕ. И что я люблю Вики и всегда буду ее любить, но мы с ней такие разные – начали жизнь с разных концов и разминулись, идя друг к другу... То есть мы заботимся друг о друге, и каждый из нас сделает для другого все, если понадобится, но наши отношения зашли в тупик, из них исчезла искра. И мы с Вики живем скорее как приятели по общежитию, чем как муж и жена, – больше друзья, чем любовники.

Завершив свою исповедь, я нервно рассмеялся:

– Ты уже и сама, наверное, не рада, что спросила? Извини меня за такую брутальную честность.

Но ты даже не улыбнулась в ответ и не отмахнулась – ничего, мол, бывает. А то, что ты сказала мне тогда, изменило всю мою жизнь.

– Может быть, тебе станет легче, если я признаюсь, что мой брак в сравнении с твоим – настоящая катастрофа?

И мне действительно стало легче, настолько легче, что я никогда не покажу тебе эту тетрадь, вот как. Просто не хочу, чтобы ты знала, до какой степени я жаждал именно этих слов. Пусть это звучит ужасно, но это чистая правда. Я надеялся услышать от тебя, что ты тоже несчастна в браке.

Около часа мы обсуждали проблемы, связанные с нашими супругами. Обычно такими вещами легче делиться с чужими людьми, чем с близкими. Но тут оказалось, что откровенничать с женщиной, которая стала тебе чужой, хотя до того была ближе всех на свете, совсем легко.

А может, дело не в этом, просто между нами снова проскочила искра...

По крайней мере, я и представить себе не мог, что с таким удовольствием буду рассказывать кому-то о том, как меня разлюбила жена. Но два часа, проведенные с тобой на веранде «Кафе Макса», были как отдельная жизнь, рождение чего-то нового, обещание вечности.

Банально, да. Ну и что? Все равно этот дневник никто не читает. Хочу быть банальным – и буду. Разве не все мы банальны в наших мыслях? Разве мы не банальны с теми, кого любим? Конечно, банальны, только боимся признаться в этом себе, и особенно другим, из страха быть осмеянными.

А потом был поцелуй возле твоей машины. Если б его инициатором должен был стать я, то, боюсь, его могло и не случиться. Мы уже прощались после кофе (который как-то перешил в кусочек морковного торта): двое друзей случайно встретились после долгой разлуки и готовились расстаться опять...

Ты наклонилась и поцеловала меня. Я не ожидал этого и потому не успел даже закрыть рот, что было бы неловко. Твои губы оставались прижатыми к моим совсем недолго, ровно столько, чтобы я успел понять – это не недоразумение, не дружеский поцелуй, не жест платонической любви, и уж тем более этот поцелуй не следует понимать как «приятно было встретиться, пока!».

Нет. Вовсе нет. Мое сердце громко застучало в ребра.

Ты посмотрела на меня и сказала – кстати, наш диалог я восстанавливаю по памяти, но эту фразу помню дословно. Ты сказала:

– Хочешь увидеть меня снова?

Ты уже знала ответ.

7. Вики

На парковке магазина «Хоум депо» возле трассы Ю.С.30 в Мерривилле, штат Индиана, я встречаюсь с Рэмбо. В этот раз мне не хотелось ни звонить ему, ни писать. Такое дело надо обговорить лично. И у меня мало времени – сегодня ланч с Саймоном, надо успеть вернуться в Чикаго.

Рэмбо выходит из своего могучего «Шеви», в руке – конверт из плотной желтоватой бумаги, и приветствует меня коротким «мисс Вики» – так он зовет меня с тех пор, когда был копом и моим клиентом в одном «развлекательном» заведении, еще до того, как я приехала в Чикаго, встретила Саймона и изменила жизнь. Рэмбо, кстати, был нормальным клиентом, никогда меня не обижал. И платил, хотя, как коп, мог получать свое бесплатно. Наверное, меня и за приставания к мужчинам никогда не привлекали только потому, что мне прикрывал спину такой приличный коп, как он. Правда, он никогда мне этого не говорил, но я так думаю.

Роджер Рэмпкин, вот его настоящее имя, но все зовут его Рэмбо. И не только потому, что кто-то поиграл словами, а потому, что Рэмбо служил до Индианаполиса в армии, да и размерами где-то схож. В общем, он из тех копов, на которого задержанный только глянет – и со страху сразу все выложит.

Четыре года назад Рэмбо ушел из полиции, занялся частным сыском и немного охраной. Я тоже обращалась к нему за услугами – и ни разу не пожалела.

– Хорошо выглядишь, – говорит он мне.

Увы, я не могу сказать ему того же. Годы не пощадили Рэмбо. Он сильно раздался вширь – под ремнем фунтов на двадцать больше, чем нужно, – под глазами мешки, в бороде больше соли, чем перца. Теперь он больше похож не на отвязного копа, а на отморозка с гор.

Я беру у него папку, взамен отдаю конверт с наличкой.

– Большое спасибо, сэр.

Он опускает конверт через открытое окно на переднее сиденье своего «Шеви», достает сигарету, закуривает, предлагает мне. Я отказываюсь. Бросила, как и многое другое. Практически одновременно. Причем отказаться от сигарет было труднее, чем от кокаина.

– Объясни зачем, – говорит он.

– Раньше ты никогда не спрашивал.

Он выпускает дым.

– Раньше я знал ответ. Но принимаю твое замечание.

Не лезь не в свое дело – вот суть моего замечания.

– Хороший мальчик, Рэмбо, – говорю я и помахиваю папкой. Она совсем легкая. – А там не густо...

– Не густо, – соглашается он.

– Расскажи коротко.

– Ну, если совсем коротко... то там ничего и нет. Я снова перерыл все, как ты просила.

Поднял все источники, до которых мог добраться. Вики Ланьер родилась в Фэрмонте, Западная Вирджиния, ходила в фэрмонтскую среднюю школу, пропала в две тысячи третьем, в возрасте семнадцати лет, и больше ее не видели. Ее искала полиция, но безрезультатно – никаких следов, так что утверждать, сбежала она сама, похитили ее или убили на месте, невозможно. Девочка пропала со всех радаров. Никогда в жизни не подавала заявлений на налоговые льготы, не привлекалась, у нее не брали отпечатков пальцев, она не поступала в колледж или школу, не открывала счет, не оформляла кредитных карт, не покупала оружие, не заводила аккаунтов в соцсетях и вообще не делала ничего после семнадцати. – Он смотрит на меня, щурясь от солнца.

– Так, значит, ничего необычного? Никаких красных флажков?

– Ничего необычного. Никаких красных флажков.

– Вывод: пользоваться ее личностью как прикрытием все еще безопасно.

– Да, безопасно. Хотя я никогда не мог понять, зачем тебе понадобился псевдоним с таким же именем, как у тебя.

Быстро он забыл... Я стряхиваю с ноги туфельку, сгибаю колено, поднимаю ступню и демонстрирую ему щиколотку. На ней татуировка – крохотное красное сердечко и имя «Вики» обвивает его верхнюю половину. Я сделала ее в шестнадцать лет, по дурацки. Так что теперь мне трудно было бы объяснить, почему на ноге у меня написано «Вики», а зовусь я Молли, или Джейн, или Джина, или еще как-нибудь.

– А, да, я и забыл. Давненько я уже...

Не видел меня голой. Да, Рэмбо. И не надо мне об этом напоминать. Я тоже все забыла, насколько это возможно.

– В общем, никто не сможет сказать, что я не Вики Ланьер, если что, так?

– Никто. Пока ты сама будешь держаться той истории, что в семнадцать лет сбежала из дома в Фэрмонте, Западная Вирджиния, и с тех пор занималась тем, что не выводило тебя на радары. Платили тебе наличкой и так далее.

Самое печальное, что моя реальная биография ненамного отличается от этого варианта. И это не случайное совпадение; собственно, поэтому я и выбрала Вики Ланьер в качестве прикрытия. Сам же Рэмбо меня этому и научил – когда он еще был копом и по долгу службы выслушивал всякую хрень от подозреваемых, пытаюсь отличить ложь от правды, один как-то сказал ему: «Лучшая ложь та, которая ближе всего к правде». Я никогда не жила в Западной Вирджинии, и меня никто не похищал, но я тоже сбежала из дома в две тысячи третьем, в семнадцать лет. Я даже не думала, что мне удастся добиться совпадения по всем деталям. А оказалось, что в один год со мной исчезли три семнадцатилетние девочки – что само по себе тревожно, – и одна из них та самая Вики из Фэрмонты, с биографией почти как у меня. Вот я ее и выбрала.

– Главное, чтобы никто не вздумал проверять твое прошлое по отпечаткам пальцев, – предупреждает Рэмбо. – Тогда всплывет и вся твоя история, и настоящее имя.

Верно. Но тут уж ничего не поделаешь.

Он наклоняет голову набок.

– Ты понимаешь, что сейчас повторно заплатила мне за одну и ту же работу? Я бы никогда не подсунул тебе эту «Вики Ланьер», если б там не было все чисто.

– Обновление никогда не помешает.

– Не-а, – цедит Рэмбо углом рта. – Ты ожидаешь, что тебя будут проверять. Рыться в твоей биографии. Готовишься к неприятностям.

Я смотрю на него с безразличной улыбкой.

– Не бойся, – добавляет он. – Я ничего не знаю и не хочу знать.

И Рэмбо прав, причем дважды. Неприятности будут. Но ему не надо ничего о них знать.

8. Саймон

С Вики я встречаюсь за ланчем в китайском ресторане у школы. Она часто работает днем, так что, когда свободна, мы стараемся поесть где-нибудь вместе, особенно летом, когда у меня мало занятий.

Вики чмокает меня в щеку.

– Привет, красавчик. – Она слюнявит кончики пальцев, стирает с моей щеки помаду и садится за стол напротив меня. – Ну, как поживает твой приятель декан?

– Давай не будем об этом. Что прикажешь с ним делать? В лицо ему плюнуть, что ли?

– Ну, он-то тебе в лицо плюнул, причем первым.

Вики, да благословит ее Господь, всегда готова вступить за меня. Ей совсем не нравится, что декан Комсток решил оттереть меня от профессорского кресла. Она вообще очень волнуется, когда кто-то обращается со мной без уважения. Не знаю почему, но это кажется мне в ней ужасно сексуальным.

– Саймон, все, что тебе нужно сделать, это подать заявку на должность профессора. Ты имеешь на это столько же прав, как и тот богатый папенькин сынок, Рейд Как-его-там. И какая разница, что он подумает, этот ваш декан Кумстейк?

– Комсток, – смеюсь я в ответ. – Этот парень может без особых усилий пустить под откос всю мою академическую карьеру. Так что для меня есть кое-какая разница, что именно он подумает.

Вики мотает головой, сердитая и разочарованная. В дневнике я написал правду: я люблю эту женщину и никогда не разлюблю. Но она меня не любит. Вернее, любит, но заботливо, почти по-матерински, а мое чувство к ней совсем другое. И это меня обескураживает. Может быть, Фрейд со своими «ид» и «суперэго» смог бы разобраться в моем случае, но я не из тех парней, кому нравится бросать вызов судьбе. Я не хочу быть с той, кого не влечет ко мне физически.

Когда я познакомился с Вики, всего через полтора месяца после самоубийства ее сестры, она ужасно злилась. Нет, она, конечно, переживала, тосковала, но в основном злилась. А я смог ей помочь. Может, поэтому ее и потянуло тогда ко мне. И, может быть, именно поэтому меня потянуло к ней. Кто знает, у сердца ведь не потребуешь объяснений...

– Но ты ведь уже подал заявку, да? Значит, тебе осталось только собрать и представить материалы. И у тебя есть время до сентября, да?

– Да, да и еще раз да, – отвечаю. – Но заявку я заберу.

Она протягивает руку через стол и накрывает мою ладонь своей. Ее прикосновения, даже самые невинные, как это, все еще пробуждают что-то у меня внутри, что бы я там себе ни говорил.

– Ты заслуживаешь повышения, Саймон. У тебя ведь лучшие мозги во всей вашей школе. И ты любишь свою работу, любишь школу... Ты рожден для того, чтобы заниматься этим делом и в этом месте. Вот почему меня просто бесит, когда какой-то козел плюет тебе в лицо, а ты смиренно утираешься и говоришь: «Спасибо, сэр, можно повторить?»

– Да, я тебя понимаю. Мне и самому это не нравится.

– Так сделай что-нибудь. Пусть он хотя бы пообещает поддержать твою кандидатуру в следующий раз.

– Это... так не работает.

– Почему не работает? – Вики откидывается на спинку дивана. – Еще как работает. Ты говорил, что этот парень, декан, скорее политик, чем ученый. Так договорись с ним. Пообещай, что снимешь свою кандидатуру в этот раз, но только если он поддержит тебя в следующий.

Я утыкаюсь носом в меню, но не потому, что раздумываю над заказом, а потому, что Вики права – надо предпринять какой-то шаг, на который я, вероятнее всего, так и не решусь, – и мне просто стыдно смотреть ей в глаза.

– К тому же у тебя есть варианты, – продолжает она с озорством в голосе.

Я выглядываю из-за меню.

– Нет, Вик.

– Ты даже не знаешь, что я...

– Представляю, – отвечаю я, – и твердо говорю – *нет*.

Официант приносит напитки и ставит на стол воду для меня и пино гриджио для Вики, старательно делая вид, будто не прислушивается к нашему разговору.

Она поднимает бокал и пригубливает вино.

– Скажи мне, что ты слышала, что я сказал – нет, Вик.

Она выпучивает на меня глаза и повторяет:

– Да слышала, слышала.

9

Пятница, 29 июля 2022 года

Может, оно и к лучшему, Лорен, что после той встречи в кафе ты на две недели уехала с подругами в Париж. У меня было время остыть, подумать.

И вот что я надумал: я этого не сделаю. Я обычный парень, у меня обычный брак, обычная работа, я живу в обычном пригороде и занимаюсь обычными вещами. Я не завожу романы на стороне. У меня не бывает любовниц!

Вот и теперь еще не поздно дать задний ход. Ничего ведь не случилось. И потом, кто знает, может, ты сама еще откажешься – подумаешь и решишь, что тебе оно не надо...

А у меня есть причина для отказа. Ее зовут Вики. Вики Ланьер Добиас, на которой я женат уже десять лет. Я знаю, что глубоко в душе Вики несчастна в браке со мной и что она хочет, чтобы я был счастлив. Очень хочет. Но она доверяет мне, и это доверие так много для нее значит. По-моему, я вообще первый мужчина в ее жизни, которому она доверяет – после ее-то детства! – и только доверие ко мне и помогло ей выстроить заново свою жизнь. И если я разрушу это доверие, то просто не знаю, что с ней будет. Поэтому я не могу так с ней поступить.

Нет, не могу. Значит, придется остановиться еще до того, как все начнется.

Я сам объясню тебе все, Лорен, когда ты вернешься из Парижа. И все закончится.

День после Хэллоуина

10. Джейн

– Матерь Божья, – шепчет сержант Джейн Бёрк, глядя на тело Лорен Бетанкур, висящее в петле на перилах второго этажа. Впервые в жизни ей предстоит расследовать убийство. Первое убийство в истории Грейс-Виллидж, насколько она помнит.

Ее напарник, сержант Энди Тейт, осторожно спускается по лестнице, стараясь не задеть перила и не затоптать следы и отметины на отдельных ступеньках.

– Шеф уже звонил?

– Ну еще бы.

С тех пор, как в дом миссис Бетанкур вошла уборщица и увидела повешенную хозяйку – а это случилось не больше часа назад, – Джейн уже трижды говорила с шефом по телефону. Она сама еще собиралась на работу, когда ее застал первый звонок.

– Мистер Бетанкур возвращается, – говорит Тейт. – Надо послать офицера встретить его в аэропорту О’Хара.

– А где он был? – спрашивает Джейн.

– В Неаполе. Играл с сыновьями в гольф. – Энди обходит вокруг висящего тела с такой опаской, точно это не тело, а драгоценная люстра, которую страшно задеть. – Неплохое алиби.

Да, но если в убийстве действительно замешан муж и особенно если у мужа столько денег, как говорят, то вряд ли он станет делать грязную работу своими руками.

– Было на что поглядеть, – бормочет Энди, с ног до головы оглядывая убитую. И он прав – даже в смерти Лорен Бетанкур выглядит роскошно: фигура стройная, черты лица точеные, волосы светлые, шелковистые. Наряд, слишком яркий для мертвой, не оставляет простора воображению, обтягивая все до единой приятные округлости ее фигуры: это пятнистое трико – костюм кошки для Хэллоуина. Широко распахнутые глаза смотрят на Джейн, губы приоткрыты, точно в задумчивости. Руки ухоженные, маникюр дорогой, покрытие – черный блестящий лак.

Сзади ничего особенного, не считая темного пятна между ног. Потеря мозгом контроля над сфинктерами – один из многих безобразных спутников смерти.

Телефон Джейн вибрирует. Она хлопает Энди по плечу и кивает:

– Шеф.

– О’кей, Джейни, я в машине. Часика через три буду у вас. Пресса уже там?

– Нет пока. – Она смотрит в окно. Репортеров не видно, зато соседи, похоже, объявили полный сбор, глазают: кто с лужайки у своего дома, кто с улицы, одни еще в халатах и тапочках, другие уже в офисных костюмах. Дети с рюкзаками за плечами, которым положено идти в школу: сегодня вторник, первый урок начнется через десять минут. Вообще-то шесть полицейских автомобилей с командами – это уже много народу, а вместе с соседями и вовсе целая толпа.

– Господи, – ворчит шеф, – надо же, первое за всю историю убийство на моем участке, а я на семинаре в Индиане...

Джейн идет к южной двери дома – это дверь кухни, и, судя по всему, убийца ею не пользовался, потому что никаких следов борьбы здесь нет. Главное сейчас – не натоптать в холле, сохранить место преступления в первоизданном виде до приезда бригады экспертов-криминалистов.

Сержант Джейн снимает бахилы и выходит из дома, с удовольствием вдыхая свежий воздух. Следом за ней идет Тейт. Вместе они обходят дом и направляются к парадному входу, туда, где все произошло.

Грейс-Виллидж на следующий день после Хэллоуина. Во дворах и в канавах вдоль обочин еще лежат разбитые тыквы и обертки от конфет, ветер носит пластиковые пакеты, шуршит ими в ветвях голых деревьев.

Вообще-то деревня неплохо зарабатывает на Хэллоуине – детишки съезжаются сюда на праздник с западных окраин Чикаго, из-за Дес-Плейнс-Ривер, из Грейс-Парк. Иной раз приезжают целыми автобусами, которые подходят к особнякам, разукрашенным огромными леденцами и другими замысловатыми штуковинами. Подростки обычно появляются к концу четырехчасового интервала и ходят по домам, выпрашивая последние конфеты, так что у кого-нибудь из самых прижимистых обитателей деревни обязательно сдают нервы, и он начинает звонить в полицию.

Значит, вчера по деревне бродили буквально сотни костюмированных незнакомцев с раскрашенными лицами, и это единственная ночь в году, когда такой наряд не вызывает подозрений. То есть расследование обещает быть вдвойне сложным.

Хочешь кого-нибудь убить – Хэллоуин самое подходящее время.

– Я расскажу вам, что мы уже знаем, шеф. Это немного, времени прошло еще совсем мало...

– Слушаю.

– Во-первых, окно на фасаде дома.

Вдоль фасада растут аккуратно подстриженные кусты. За ними – два окна. Джейн сходит на траву, приближается к кустам и заглядывает за них. Под левым окном отпечатки ботинок. Хорошие, глубокие, будто отлитые из грязи.

– Тут у нас четкие отпечатки ботинок, – говорит она. – Похоже, взрослых. Размер, судя по виду, двенадцатый, а может, тринадцатый¹³. Попросим экспертов снять отпечатки и пропустить их через базу данных.

– Хорошо.

– Вчера днем прошел небольшой дождь, как раз перед тем, как дети разошлись за конфетами. Для нас это настоящий подарок. Почва вокруг кустов промокла как раз настолько, чтобы зафиксировать отпечатки. Похоже, что он долго здесь стоял.

– Заглядывал к ней в окно?

– Именно. Что еще он мог делать, стоя лицом к окну так долго? Только подглядывать.

– А временной промежутки у нас есть?

– В этом-то все и дело. Вчера ведь был Хэллоуин. Вы знаете, как это бывает...

– С трех до семи, в семь гасят свет.

По традиции жители Грейс-Виллидж гасят свет в семь, показывая, что время раздачи сладостей окончено. Ровно в семь все родители громко кричат: «Счастливого Хэллоуина!», а про себя небось шепчут: «Выметайтесь отсюда поскорее!» – и гасят наружный свет.

– Значит, наш таинственный соглядатай вряд ли бродил у нее под окнами до семи, – подытоживает Джейн. – Тогда бы его все видели. Все детишки, которые выпрашивали конфеты.

– Но как только настало семь...

– В семь в деревне началась самая темная ночь года, как обычно. И он мог стоять у нее под окнами сколько хотел.

– О'кей, что еще?

– Наш соглядатай двинулся ко входу, – говорит Джейн. – Ни на дорожках, ни возле гаража, ни у калитки следов не видно. Значит, он пошел от кустов прямо к двери. Над дверью особняка – кирпичный портик с каменной отделкой. У двери лежит коврик с фамилией «Бетанкур». Внешний свет выключен. Никаких повреждений на двери не заметно. Крыльцо каменное и довольно грязное, что неудивительно – кто тут только не натоптал за последние

¹³ В пересчете на русские размеры – размер ноги 46–46,5.

двенадцать часов, начиная с детишек, которые приходили за сладким, и заканчивая убийцей. Мы видим его следы на крыльце. Они куда отчетливее остальных отпечатков. Наверное, самые свежие. И на двери они тоже есть, шеф.

– На двери? Он что, бил в дверь ногами?

– Верно. Отпечатки чуть смазанные. Мы думаем, что он повернулся к двери спиной и от души колотил в нее ногой.

– То есть он так и вошел? Выбил дверь?

– Нет. Дверь не повреждена, косяк цел, дверная панель не перекошена.

– Значит, она сама его впустила.

– Значит, впустила.

– Впустила того, кто чуть не выбил ей дверь?

– Странно, да? Мы подумали, что, может, они были знакомы.

– Ха... Вижу, вижу тебя и слышу, ты, кусок дерьма!

Вот это уже похоже на шефа: он так водит автомобиль, что все, кто попадаете ему на дороге, начинают бешено сигналить. Коп есть коп: он всегда думает, что ему на дороге все позволено, даже когда он не на службе.

– Извини, это я не тебе. Короче, не вызывает сомнений, что она знала этого типа и сама впустила его в дом.

– Может, он скандалил снаружи, – подхватывает Джейн, – а ей не хотелось, чтобы его слышали соседи.

– Это теория, Джейни. И довольно специфическая. Так что смотри не заикливайся на ней.

– Я еще ни на чем не заикливаюсь, шеф. Но почти уверена, что парень, который стоял около кустов и заглядывал в ее окно, пошел оттуда к двери и начал бить в нее ногами, а женщина сама ему открыла.

– О'кей, что еще?

Джейн и Энди снова надевают бахилы. Джейн приоткрывает входную дверь, выпускает Энди, проскальзывает внутрь сама и быстро закрывает дверь: не хватало еще, чтобы соседи увидели тело, висящее на перилах.

– Мы вошли, – говорит она. – Стеклянная ваза для конфет – угощение на Хэллоуин – разбита, осколки разбросаны по всей передней. Может, это он выбил вазу у хозяйки из рук, а может, она сама ею в него запустила. Трудно сказать.

– Дальше.

– Она побежала к лестнице.

– Именно к лестнице? Не за ножом на кухню?

– Нет. Нет никаких признаков того, что они были в кухне, зато все признаки того, что он загнал ее на лестницу. – Джейн идет вдоль цепочки знакомых отпечатков на мраморном полу, поднимается на деревянную лестницу. – Лорен была на каблуках, так что бежать ей было неудобно. Правда, подниматься по лестнице на каблуках проще, чем ходить по ровному полу.

– Ты серьезно?

– Вверх по лестнице бежишь, наступая только на переднюю часть стопы, пятка провисает, поэтому все равно, на каблуках ты или нет. На ровном полу все по-другому.

Она идет вдоль отпечатков ботинок и редких отметин, которые оставили на толстом ковре лестницы каблуки Лорен.

– Они добежали до площадки. Похоже, здесь он ее оглушил. – Она останавливается у края площадки. – Кровь начинается почти от лестницы, забрызгана вся площадка второго этажа. Эксперты еще не приехали, я пока просто смотрю глазами. Но стукнул он ее точно здесь. По затылку.

Джейн смотрит на мертвое тело Лорен – точнее, на затылок с кровавой отметиной.

- Чем он ее стукнул?
- Пока не знаем. Но удар был сильным, пошла кровь. Возможно, после удара она отключилась – ненадолго, но достаточно, чтобы он успел набросить веревку ей на шею.
- Как он ее повесил?
- А вот это был умный ход, – говорит Джейн, присаживаясь на корточки. – Веревка толстая, вся в узлах, узлы примерно через каждые тридцать сантиметров. Перила железные, кованые – ну, вы видели на фото...
- Фото я видел, но перила не рассматривал.
- Понятно. Тут на перилах кованый орнамент такой, вроде спирали. Напоминает что-то готическое, рыцарский герб, что ли...
- Или тест Роршаха, – замечает Энди.
- Да, или тест Роршаха. Пучок спиралей с завитками и всякими фигурками.
- Так, ясно...
- Он пропустил веревку через спираль и обмотал вокруг еще два или три раза. Ничего, спираль выдержала.
- А что потом?
- Джейн пожимает плечами:
- А потом он перекинул ее через перила.
- Фу.
- Фу-то оно фу, но, скорее всего, именно так и было.
- А почему он просто ее не задушил?
- Не смог, наверное, – говорит Джейн. – Это не так легко. Она боролась. Он, стоя у нее за спиной, сдавил ей шею удавкой и тянул за оба конца изо всех сил, но женщина не сдавалась. Мы нашли несколько обломанных крашенных ногтей. Она цеплялась за веревку руками, чтобы та не сдавила ей горло. Да, и на ней были каблуки, она могла здорово лягаться. Так что ему проще было подтянуть ее к перилам и, одной рукой держа веревку на горле, другой пропустить свободный конец в металлический завиток – раз, другой, третий, – потом поднять женщину и перебросить через перила.
- Господи. Ладно. Я все понял. Так, Джейн, слушай. Эксперты из Центра по борьбе с тяжкими пусть едут, но в остальном это должно остаться нашим внутренним делом. Поняла?
- Да. – Джейн чувствует, как в груди словно щекочут крыльями бабочки – не в первый раз за это утро.
- Без меня никаких заявлений для прессы. Понятно?
- Да.
- Шеф молчит. Думает.
- Джейн слышит, как снаружи хлопает тяжелая автомобильная дверца. Наверное, приехал коронер или бригада криминалистов.
- Думаешь, это была ссора любовников?
- Точно не ограбление. Признаков сексуального насилия тоже нет; насколько можно судить, он даже не пытался ее изнасиловать. Впечатление такое, что этот парень, кто бы он ни был, пришел сюда с одной-единственной целью: убить Лорен Бетанкур.
- Личные мотивы... Кто-то очень хотел ее смерти.
- Джейн снова смотрит на тело, и ее передергивает.
- Или просто хотел ее, – говорит она. – Но не получил.

До Хэллоуина Август 11

ЧЕТВЕРГ, 11 АВГУСТА 2022 ГОДА

Я пытался, клянусь! Я пришел к тебе сегодня, впервые с тех пор, как ты вернулась из Парижа, и был готов поступить правильно. Ты открыла мне дверь – загорелая, элегантная, да что там, просто роскошная, и я сказал себе: «Давай, Саймон, не подведи. Скажи Лорен сейчас, давай». И я это сделал: объяснил тебе, что не могу предать Вики, и значит, нам придется остановиться, еще не начав.

А ты, Лорен, да благословит тебя Бог, ответила, что все понимаешь. «То, что ты сейчас мне сказал, только доказывает, какой ты хороший», – сказала ты. У меня кишки завязались узлом, а грудная клетка чуть не лопнула, когда я это услышал, но я сказал себе: «Ничего, ты еще радоваться будешь, что сделал это, хотя сейчас тебе и паршиво».

Потом я обнял тебя, и ты обняла меня в ответ. Мы постояли так, держа друг друга в объятиях, и вот этого-то как раз и не надо было делать: сначала задвигались твои руки, потом – мои, и тут внутри у меня все вспыхнуло, наши губы встретились, и ты застонала, Лорен, а я – я даже сказать тебе не могу, что со мной случилось, когда я понял, что так действую на тебя. Если б ты знала, как давно ни одна женщина не отвечала на мои действия таким вот стоном...

Недели три я раздумывал, быть или не быть, наконец решил, что не быть, – и вот, не прошло и десяти минут с нашей встречи, как все уже случилось. Мы не можем оторваться друг от друга. Мы лежим на твоей кушетке и занимаемся этим самым, точно животные – грубые, потные, ненасытные.

И никогда в жизни я не испытывал такого удовольствия, как в тот миг, когда ты кончила, Лорен. Твой голос дрогнул, и я услышал короткий хрип, а по твоим бедрам прошел спазм. Я чувствовал себя прямо-таки великаном! Так это и есть любовь? Ощущение, что когда ты с любимой, то ты на вершине мира? Так давно этого не было со мной, что я даже забыл, какое оно...

...то чувство, когда ты словно отпустил руль, зажмурился и выжал газ до отказа.

12. Саймон

Утро я начинаю с забега пять на пять – пять миль с пяти утра. Так делала моя мать. Четыре раза в неделю она ставила будильник на пять утра, вставала, натягивала кроссовки и шла «глотать асфальт», как она это называла. За свою жизнь мать пробежала восемнадцать марафонов, причем много раз выходила на Бостон¹⁴.

«Бег – это время, которое принадлежит только тебе, – говорила она. – Ни стресса, ни телефонных звонков, никаких споров, только ты. Как психотерапию пройти, только лучше».

Я сажусь в машину и еду через Остин в Западный Чикаго, в его самые криминальные районы, где совершается больше всего насильственных преступлений. Не назову эти места красивыми или живописными, но их неряшливая скромность и твердая решимость меня трогают.

Большинство людей, слыша названия этих районов, сразу вспоминают о стрельбе и кровопролитиях; но я, пробегая на утренней заре там, где Огаста встречается с Уоллером, каждый раз вижу в одном и том же окне девочку-подростка, которая играет на скрипке; на Лонг-авеню старик в бежевой форме сидит на крыльце и пьет утренний кофе, готовясь к долгой смене, – завидев меня, он обычно бросает: «Вот дурак!»; пожилая женщина, видимо бабушка, сидит на крыльце с внуками-подростками и читает им Библию – это в хорошую погоду, в ненастье я вижу их через окно в комнате первого этажа, наверное гостиной; на ЛеКлер женщина в зеленой форме официантки возвращается с ночной смены, неся за спиной рюкзак с книгами...

Пробегая по этим улицам, я неизменно прихожу к мысли о том, что есть люди, у которых проблемы куда больше, чем получение какого-то дурацкого профессорства в юридической школе в этом году или пару лет спустя. Есть люди, которые вынуждены бороться за нормальную жизнь.

Все знакомые считают меня чокнутым из-за того, что я бегаю в таких местах, и, может быть, Вики права, когда говорит, что я делаю это из чистого упрямства, как будто пытаюсь что-то доказать. Я уже со счета сбился, сколько раз во время пробежек меня догоняла патрульная полицейская машина и офицер, высунувшись в окно, спрашивал, не псих ли я и какого черта тут делаю. Но я не обижаюсь, меня обзывали и похуже.

Например, Мини-Мы¹⁵. Так Митчел Китченз, здоровяк-старшеклассник, борец, чемпион штата и без пяти минут студент, прозвал меня, ученика-первогодка школы «Грейс консолидтейт», куда я пришел, имея рост пять футов и вес, может быть, фунтов сто¹⁶. Митчел был сложен как кирпичный сарай, с толстой, как пенек, шеей, так что трудно было даже сказать, где эта шея заканчивается и начинается голова. А еще у него были гнилые зубы, тяжелое дыхание и сломанный нос. И глаза, узкие и расставленные широко, как у неандертальца.

В год, когда я поступил в школу, на выходных по случаю Дня благодарения как раз показывали очередной «Остина Пауэрса»¹⁷. Помню, как после четырехдневного перерыва я пришел на занятия и где-то в коридоре нарвался на Митчела, а тот ткнул в меня пальцем и как заржет: «Гляньте-ка, это ж Мини-Мы». Кличка приклеилась моментально. Так всегда бывает – самое противное прозвище приклеивается на раз.

С тех пор так и пошло – я выходил утром из автобуса, а Митчел уже встречал меня у изгороди: «Иди-ка сюда, Мини-Мы!» Он выкрикивал эту кличку в коридорах. Он обзывал меня на математике (да, старшеклассник ходил на математику с первогодками, можете себе представить его интеллектуальный уровень). Сначала я пытался не обращать внимания, не

¹⁴ Имеется в виду знаменитый ежегодный Бостонский марафон.

¹⁵ Мини-Мы – карлик, один из персонажей серии фильмов «Остин Пауэрс».

¹⁶ 1 фунт = 0,45 кг.

¹⁷ «Остин Пауэрс» – серия шпионских комедийных фильмов.

реagirовать, но он не затыкался, а, наоборот, орал одно и то же снова и снова, так что со временем я начал отзыватьсь.

Да, я не любил Митчела. Но воспоминания о нем не отравляют мне жизнь. Просто я не могу его забыть, даже если захочу, – ведь стоит мне утром посмотреть на себя в зеркало, и я вижу под глазом шрам, оставленный кулаком Митчела в тот день, когда он окончательно потерял контроль над собой.

* * *

Моя мать часто повторяла: «Хороший адвокат знает ответ на любой вопрос до того, как его задать. Хороший адвокат еще до начала судебного процесса точно знает, что он будет говорить в своем заключительном слове. В нашем деле работать надо от конца к началу, планировать защиту из того результата, который хочешь получить, так, чтобы к концу процесса каждое твое заявление было поддержано уликами или показаниями свидетелей и ни одно слово не повисло в воздухе само по себе».

* * *

В четверть седьмого утра я уже бреюсь перед зеркалом, протерев круглое окошко в его запотевшей поверхности – я только что принял душ.

Дверь открывается, в ванную вваливается Вики – глаза-щелки, волосы растрепаны. Она прижимается ко мне сзади и стонет:

- Как ты встаешь в такую рань?
- Мое любимое время суток.
- У тебя кровать... такая удобная.
- Рад, что тебе нравится.

Она плюхается на унитаз, пописать, а я заканчиваю бритье и ополаскиваю бритву под краном.

- Что, поздно закончили вчера? – спрашиваю.

Она опускает голову.

- Нам позвонили за пять минут до полуночи.

- Э-э-э... За пять минут до конца смены? Ты могла и не ехать, имела право.

– Я предпочла поехать. Муж приперся в пункт первой помощи, уговаривал женщину вернуться домой и забрать заявление. Сцена была та еще... Три копа его держали. Он даже замахнулся на меня.

- Вот как? Соприкосновение было?

- Нет.

Что ж, парню, можно сказать, повезло.

- А женщина как? Поехала с тобой?

- Да, я уговорила. Потому и проторчала там до двух часов утра.

Вики смывает за собой и подходит к раковине помыть руки.

- Иди еще поспи.

– Не беспокойся, пойду. – Она, чуть не падая, шлепает обратно к кровати – ну, прямо Батаанский марш смерти¹⁸, ни дать ни взять, – шлепается на живот и зарывается лицом в подушку, постанывая от удовольствия.

---

¹⁸ Батаанский марш смерти – часть битвы между американскими и японскими войсками при Батаане (Филиппины) во время Второй мировой войны.

Я одеваюсь, варю кофе. Перед дорогой выпиваю чашечку – за рулем сидеть долго. Перед выходом заглядываю в спальню к Вики попрощаться.

– Эй, красотка, папочка уходит.

Она открывает один глаз.

– Жесть.

Я еще немного люблю ее: безразмерная футболка со щенками делает ее такой сексуальной... Жесткость и неумолимость дневной Вики сменяются невинностью и уязвимостью Вики сонной.

Я должен ее защитить. Я обязан сделать все так, чтобы с ней ничего не случилось.

* * *

По пути в Висконсин я проезжаю мимо дома Лорен, но надолго там не задерживаюсь. Ее муж Конрад давно ушел – вернее, загрузился в машину с шофером и уехал в город, где целый день будет сидеть в шикарном клубе «Восточного банка», ворочая миллионными инвестициями. Интересно, есть у него привычка разглядывать подтянутых женщин в спандексовой спортивной форме? Подыскивает уже жену номер четыре, так, на всякий случай? Наверное, так у него было и с Лорен – старая жена ему надоела, вот он и поменял ее на более новую модель...

Давай, начинай уже присматривать новенькую, старина Конрад. Пожил три года с Лорен – и хватит, нечего засиживаться. А то на четвертую пороку не хватит.

Притормозив напротив ее дома, я разглядываю его. Хозяйская спальня занимает всю северную сторону особняка; вдоль нее тянется балкон, где любит загорать Лорен, подальше от чужих глаз. Ну или так она думает. А я готов поставить кучу «баков» на то, что все мужчины, живущие по соседству, уже давно расчехлили свои бинокли.

Хотя о чем это я – конечно же, она знает. Правда, Лорен? Тебе ведь нравится дразнить мужчин, разжигать в них желание? И тебе по-прежнему нужна подпитка в виде чужого восхищения? Или ты уже поняла, что все это не важно?

Хотя ты, наверное, из тех, кто никогда не останавливается на достигнутом, да?

* * *

– Розовый, – говорю я. – Нет, вон тот, поярче.

Щекастый продавец с рябым, как от оспы, лицом в суперсторе Расина, штат Висконсин, – то есть примерно в восьми милях езды от Чикаго, – снимает с крючка телефонный чехол и проводит им над сканером.

– То есть этот на тысячу минут? – еще раз спрашиваю я.

– Да, на тысячу. А с нашим тарифным планом вы сможете ежемесячно...

– Не надо плана.

– Вам не нужен тарифный план?

– Нет. Только телефон на тысячу минут и чехол, ярко-розовый. Не волнуйтесь, – добавляю я, – я не преступник. Это для дочки. Проверочный экземпляр, так сказать. Хочу посмотреть, за какое время десятилетняя девочка сожжет тысячу минут, а уж потом решу, покупать ей телефон или еще рано.

Я очень хочу детей. Но Вики сказала: «Ни за что». Ей кажется, что ее собственное поганое детство обязательно замазает любого ребенка, которого она может родить.

Продавец окидывает меня взглядом, кивает, берет у меня купюры и снова смотрит. Еще бы – предоплаченный телефон, без плана, все деньги наличкой...

* * *

– Зеленый, – говорю я пожилой леди – продавщице из суперстора в Вальпараисо, штат Индиана, в ста тридцати милях к юго-западу от Расина, что в Висконсине, и в шестидесяти милях от Чикаго. Зеленый, как моя новая тетрадь, та самая, для всего нового, цветущего, свежего и так далее.

– Вы сказали, тысячу минут? – переспрашивает она.

– Да. – Я выкладываю на прилавок наличку.

– А... может быть, вас заинтересуют наши тарифные планы?

– Нет, мэм, нет, большое спасибо. Только телефон, минуты и чехол. Зеленый.

Она смотрит на деньги.

– Я – наркоторговец, – говорю я. – Продаю героин детям.

Она смотрит на меня.

– Шучу. Это для моего сына, ему десять. На пробу. Не хочу покупать ему постоянный телефон, пока не узнаю, на сколько ему хватит тысячи минут.

– О, а у меня внучка, ей тоже десять, – говорит она радостно. – Ваш сын в пятый пойдет?

– Ага.

– А что у вас за школа?

О боже...

– Мы на домашнем, – говорю я и вытаскиваю из кармана свой телефон, как будто хочу ответить. Не дай бог, еще начнет болтать...

Да, подготовительный этап оказался сложнее, чем я думал.

13. Вики

Через пару часов после ухода Саймона я встаю и иду рыться в его комод. Саймон человек предусмотрительный и наверняка хранит листок со всеми важными паролями, на всякий случай. В то же время он – натуральный параноик и ни за что не станет держать их в телефоне или компьютере. Электронная слежка – плоть и кровь его научной работы; он убежден, что государство имеет техническую возможность контролировать частную информацию и, наплевав на Четвертую поправку, этой возможностью пользуется, только скрывает. А вот «старую школу», как любит говорить Саймон, то есть ручку с бумажкой, не обманешь. Короче, список своих паролей он хранит на листке, вырванном из записной книжки, где-то в ящике комода – то ли с носками, то ли с трусами, не помню.

На комод стоят фотографии его матери Глори. Некоторые сняты еще до того, как она вышла замуж за Теда Добиаса, его отца, но большая часть – после. Саймон во многом похож на нее – те же каштановые волосы, теплый взгляд и сияющая улыбка – да, Саймон улыбается точно как она, но, к сожалению, очень редко.

Вот ранние фото: одно из школьного альбома, Глори на нем стоит вполборота и смотрит из-за плеча – наивная и вымученная поза многих школьных снимков. А вот она с родителями на «Ригли филд»¹⁹, совсем еще малышка, мордашка перемазана горчицей. А здесь она снята на пирсе, в Чикаго, в головном уборе и мантии, в руках – новенький диплом юридической школы Чикагского университета.

На поздних снимках, сделанных уже после замужества, Глори везде с Саймоном, но без Теда. Вот она в постели в родильном доме, на руках у нее спеленатый малыш – усталая, но счастливая молодая мать. Здесь они смеются, сблизив лица и почти соприкасаясь носами; Саймону лет пять или шесть. Вот они вдвоем у здания Симфонического зала. Едят пищу в «Джино’з Ист»; расплавленный сыр тянется, как резина. Малыш Саймон на руках у матери, которая только что пробежала Бостонский марафон и получила медаль. Ее плечи покрыты серебристым пончо, а Саймон разглядывает ее медаль, и вид у него такой же любопытный, какой бывает и сейчас.

О такой Глори я слышу от него все время – живой, яркой, иногда легкомысленной или взбалмошной, постоянно готовой улыбнуться, а то и отпустить соленую шутку.

Но была и другая Глори – юрист-профессионал, чей ум был пронизателен и резок, как луч лазера. Вот она и Саймон сняты на ступенях здания Верховного суда Соединенных Штатов в тот день, когда она выступала там по делу. У нее был острейший юридический ум, как любит говорить Саймон, и «такой же острый язык, бесстрашно правдивый».

На стене в рамке висит вырезка из протокола заседания суда того времени, когда Глори, еще молоденькая адвокатесса, работала в одной дорожке юридической фирме, причем была там чуть ли не единственной женщиной.

СУД: Возражение удовлетворено, миссис Добиас.

СОВЕТНИК: Ваша честь, своими показаниями мы не утверждали, что достигли истины в рассмотрении дела, но лишь хотели обозначить тот факт, что заявление прозвучало.

СУД: Я все понимаю, деточка, но когда судья объявляет, что возражение удовлетворено, адвокат должен перейти к следующему вопросу, и не важно, хорошенькая она или нет.

СОВЕТНИК: Кажется, я тоже понимаю. А что должен делать адвокат, когда судья ведет себя как осел?

СУД: Что?.. Я, должно быть, ослышался?

¹⁹ «Ригли филд» – бейсбольный стадион, являющийся домашним для клуба МЛБ «Чикаго кабс».

СОВЕТНИК: Я говорила гипотетически, ваша честь. Вы же понимаете, эти правила вполне могут сбить с толку молоденькую девушку.

СУД: Это вы меня только что назвали ослом?

СОВЕТНИК: А вы меня назвали деточкой? Да еще и хорошенькой? Наверное, нам обоим послышалось...

Саймон рассказывал, что после этой фразы судья разогнал адвокатов по кабинетам, выставил из зала прессу и потребовал у Глори назвать причину, почему он не должен отстранить ее от ведения дела, а она ответила, что беспокоится лишь вот о чем – как юридическая комиссия посмотрит на действующего судью, который прямо во время заседания, под запись, позволяет себе унижительные замечания в адрес адвоката-женщины. Судья объявил перерыв до конца дня.

Слухи об этом происшествии дошли до адвокатской фирмы, где работала Глори, и ее начальство потребовало, чтобы она извинилась перед судьей. Но она отказалась, в тот же день уволилась и никогда больше не работала в подобных заведениях.

В зале суда в тот день была одна женщина, которая добыла потом фрагмент протокола, вставила его в рамку и подарила Глори.

Судя по всему, мать Саймона мне понравилась бы.

Два последних снимка сделаны незадолго до конца, когда Глори уже была прикована к инвалидному креслу и почти потеряла способность двигаться. Оживленное лицо застыло, взгляд потух, яркая улыбка сменилась кривой гримасой. Не знаю, зачем Саймон хранит эти фото. Два последних года ее жизни были тяжелы для всех, и незачем помнить ее такой, какой она стала тогда. Она сама не захотела бы, чтобы ее вспоминали такой, если, конечно, все, что я слышала о ней, правда.

Наверное, Саймон хранит их как напоминание о крушении.

* * *

Вот он, листок, наконец-то, в ящике с носками. Мне нужен пароль к трастовому фонду. Глори010455, имя и дата рождения матери.

Я спускаюсь вниз. Саймон оставил мне кофе в термосе. Запах изумительный. Кофе он всегда покупает отличный, в зернах. А сегодня перед тем, как варить, добавил в кофе немного специй для тыквенного пирога. Сейчас еще не сентябрь, но аромат сразу напоминает мне, что осень уже совсем скоро. Мое любимое время года. Наверное, поэтому он и выбрал эти специи. Такие маленькие знаки внимания очень в духе Саймона.

Мне жаль, что у нас так и не сложилось. Он живет в каком-то своем пузыре. Не знаю, то ли юриспруденция стала для него важнее всего после истории с его родителями, то ли он от рождения такой, но преподавать право, думать и говорить о праве, писать статьи о праве стало для него основой, даже страстью всей жизни. Он прямо светится, когда разбирает какую-нибудь сложную юридическую тему, раскладывает ее на простые составные части, чтобы объяснить суть, а потом снова собирает их воедино, точно новый организм лепит. Даже у меня дух захватывает, когда я его слушаю, хотя о законах знаю только из телевизора.

Говорят, что юриспруденция – это требовательная любовница. Неправда. Сердце Саймона держит в железных тисках она, юриспруденция, а требовательная любовница – это я.

По крайней мере, так я объясняю себе нашу проблему, хотя, наверное, просто пытаюсь свалить вину на Саймона. Ведь есть и другая причина, почему у нас ничего не вышло – дети. Саймон хочет детей, хочет настоящий брак, ядерную семью и все такое. Да, семейка, в которой выросла я, была точно ядерной, только в другом смысле, так что я в эти игры больше не играю.

Саймон говорит, что я просто боюсь, что страх перед родительством испытывают многие. Конечно, я боюсь. Боюсь искалечить их. Боюсь, что они вырастут такими же, как я. Да и чему я могу их научить? Какой ролевой моделью я для них стану? Вдруг я рожу, а потом окажется, что я не справляюсь? Что тогда? Ведь будет уже слишком поздно...

Я люблю своих племяшек, Эм-энд-Эмс. Мне нравится быть тетей. Разве этого мало? Для Саймона – да, мало.

Он готов идти на компромисс, я знаю. Он будет жить без детей, если я так решила. Но я не хочу быть причиной, по которой он откажется от своей мечты.

Я сажусь за кухонный стол и открываю лэптоп. Выхожу на нужный сайт, ввожу пароль от трастового фонда.

Двенадцать лет назад Саймон получил наследство от отца, после его смерти. И, насколько я знаю, не тронул с тех пор ни цента. Сумма и тогда была существенной, но за годы еще обросла процентами, в том числе благодаря разумным, но вполне выгодным инвестиционным решениям, которые принимал не Саймон. И это хорошо, ведь он совсем не умеет обращаться с деньгами.

В общем, на сегодняшний день на счете у Саймона лежит 21 106 432 доллара.

Двадцать один миллион с мелочью.

Лакомый кусочек.

* * *

Я ищу в «Гугле» советников по инвестициям. Из всех возможных кандидатур отобрала четыре. Первый – парень по имени Бродерик, средних лет, лысый, заявляет, что у него личные отношения с каждым клиентом. Наверняка у него пахнет изо рта и скачет давление.

Второй, по фамилии Ломбарди, представляется как «управляющий частным капиталом» – фраза, которую я вижу постоянно. У него высоковольтная улыбка и маслянистый взгляд, ему бы автошампунь рекламировать.

Третий, с фамилией Бауэрс и еще километром инициалов, предлагает «полный комплекс услуг по управлению капиталом и безопасности» – значит, будет не только консультировать, но еще пихать мне страховки. Ботан, сразу видно – глазки-бусинки, шейка-карандашик.

Последнего зовут Кристиан Ньюсом, и он не похож ни на одного советника по инвестициям, каких мне доводилось видеть в жизни. Скорее он похож на модель Келвина Кляйна, по крайней мере от макушки до пояса – это все, что видно на фото.

Он молод, ему чуть за тридцать, на сайте два его снимка, на обоих он в хорошем костюме, без галстука, с распахнутым воротом явно накрахмаленной белой сорочки. Плечи широкие, шея крепкая, мускулистая. Наверное, потому и галстук не носит – выставляет напоказ красивую шею. Спортсмен, поди, занимался в свое время, но точно не единоборствами – кто ж захочет портить такую красивую мордашку, эти твердые скулы с легкой небритостью, большие голубые глаза, волну зачесанных назад волос, из которой выпадают отдельные прядки – весь этот тщательно культивируемый небрежный вид... Знает, мерзавец, до чего хорош, и это бесит.

Но у него вид типичного победителя по жизни, это нельзя не признать.

Читаю дальше. Биография впечатляет: Гарвард, МБА, на рынке начал работать еще студентом.

На его веб-сайте есть статья из журнала «Форчун» тринадцатилетней давности – от марта 2009-го – о молодом Кристиане Ньюсоне, который одним из первых инвестировал в кредитные дефолтные свопы перед самым началом кризиса 2008 года, точно предсказав то, чего не сумели предсказать другие, – крах рынка обеспеченных ипотекой ценных бумаг. Ему тогда был двадцать один год.

Другая статья, из «Ньюсуик», трехлетней давности, о новом предприятии Кристиана Ньюсома, в которое небольшая группа инвесторов вложила 500 млн долларов.

«...Ньюсом, который не любит раскрывать подробности ни о планируемых им ходах на финансовом рынке, ни об инвесторах, чьи интересы он представляет, проговорился, что в сравнении с его новой идеей “кредитные дефолтные свопы покажутся детской забавой”...»

Я пью кофе. Перечитываю обе статьи. Долго смотрю на фото.
Потом берусь за телефон и назначаю встречу.

14

Вторник, 16 августа 2022 года

Сегодня я встречался с тобой в твоём кондоминиуме на Мичиган-авеню. Как же он упрощает все, этот твой кондо... Я всегда могу забежать туда после работы, а ты – приехать под любым предлогом, который нужен, чтобы съездить в город.

Итак, я это сделал. Мы. Мы это сделали! Все, что я говорил насчет Вики, правда, но мы все равно это сделали, и я уже не могу остановиться.

А еще мне не терпелось показать тебе телефоны! Я не стал предупреждать заранее. Хотел сделать тебе сюрприз.

Но сначала о главном. Как только я вошел к тебе, мы разделись и занялись этим прямо у окна, выходящего на Мичиган-авеню, – на четырнадцатом этаже, причем твоя спина была прижата к стеклу. Это, кстати, не так просто, как показывают в кино, – я думал, у меня спина треснет, так что кончать все равно пришлось на твоей кровати.

Потом мы пили вино, а меня так и подмывало показать тебе их. И я показал. Ярко-розовый телефон для тебя, зеленый – для меня.

Ты долго молчала. Мое сердце занялось ритмической гимнастикой, но не здоровой, а такой, от которой наступает эжжение в груди.

– То есть теперь я твоя любовница? – спросила ты и посмотрела на меня.

– Я просто... подумал, что хорошо, если мы сможем общаться...

– И ты хочешь иметь возможность позвонить мне перед тем, как трахнуть.

– Нет, это... совсем другое.

– Теперь я – твоя девушка по вызову? Как твоя жена до встречи с тобой... Значит, ты хочешь, чтобы я была как твоя жена? Тебе нужна вторая Вики?

– Да нет же, слушай, все совсем не так. – По-моему, я сказал что-то в этом роде. Не помню, какой бессвязный протест срывался с моих губ.

Зато я отлично помню, что было дальше. Ты подошла ко мне. Подошла нарочито медленно, точно фланируя, но так, что у меня подогнулись колени. Мне кажется, слово «фланировать» придумали специально для тебя, Лорен, чтобы описать именно твою походку. Стилистически той сцене не хватало только саксофона, который наигрывал бы вдалеке.

Ты склонилась ко мне и прошептала мне на ухо:

– Хочешь, чтобы я стала твоей шлюхой, профессор Добиаз? Скажи мне. Скажи, чего ты хочешь.

Я хочу, чтобы ты была только собой, Лорен. Мне не нужны ни грязные разговоры, ни ролевые игры. Меня никогда такое не возбуждало. Я хочу тебя, просто тебя, такой, какая ты есть.

Но тогда мне показалось правильным поддержать твою игру, и я продолжил. Схватил тебя за волосы и развернул к себе лицом.

– Вот чего я хочу, – сказал я.

Твои глаза вспыхнули, уголки рта слегка поползли вверх.

– Тогда трахни меня так.

15. Вики

Регистратор в фойе нижнего этажа сообщает, что офис компании Ньюсома находится в номере 1320. Я думала, что в большинстве офисных зданий не бывает тринадцатого этажа, из суеверия. Неужели предзнаменование?

Толкаю стеклянную дверь и захожу. За узким столом в приемной сидит молодая женщина в наушниках, на лице выражение спокойной уверенности – вот она, современная корпоративная Америка во плоти. Не то что у нас в приюте, с одной телефонной линией на всех, да и на ту мы еле наскребаем деньги. Вентиляторы вместо кондиционеров. Молоко просроченное, лишь бы не воняло.

– Вики Ланьер к Кристиану Ньюсому, – говорю я.

– Да, миссис Ланьер, одну минутку. – Она нажимает кнопку большого телефона. – Пришла миссис Ланьер, на четыре. Конечно. – Секретарша смотрит на меня. – Одну минуту, пожалуйста, он сейчас выйдет. Вам что-нибудь принести?

– Спасибо, не надо.

В приемной две двери, они ведут в разные кабинеты. Из-за одной слышны голоса, громкий гортанный смех. Тот, кто смеется, уверен в себе. Или, по крайней мере, демонстрирует уверенность.

– Миссис Ланьер? Кристиан Ньюсом. – Он стремительно выходит из офиса и пожимает мне руку, причем крепко. Это четвертый финансовый советник за сегодняшний день, но первый, кто действительно жмет мне руку. Остальные ограничивались легким касанием, таким осторожным, точно боялись, что моя лапка не выдержит мощного натиска их дланей и рассыплется в прах.

Он выглядит в точности как на фото с его сайта. Вообще это не всегда так, но он соответствует. Лет тридцати пяти, в обязательном костюме-двойке, сшитом у личного портного, но без галстука – как же иначе продемонстрировать свободу от условностей и незашоренность мышления? Да и шея такая красивая, мощная, грех скрывать...

И та же легкая небритость, как на фото, где он похож на модель, что само по себе любопытно: значит, он не просто бреется, а бреется именно так – оставляет чуть-чуть щетины, чтобы выглядеть сексуально и в то же время как человек, которому все равно, как он выглядит. И челка под стать, слегка растрепанная. Этот тип прямо заиклен на том, чтобы казаться незаикленным на своей внешности, не жалеет времени на нее.

И кабинет у него не такой, какие обычно бывают у финансовых советников, то есть спокойные и сдержанные. Здесь есть кожаный диван с причудливой лампой над ним. Бар с дорогими напитками. Стена-«эгоистка», сплошь увешанная рамочками со статьями о Кристиане Ньюсоме и его фото с разными знаменитостями. На стене напротив три плоских телеэкрана – Си-эн-би-си, «Фокс бизнес» и «Блумберг» – плюс бегущая строка с индексами Насдак, Никкей и Доу-Джонса. Но я в этом не разбираюсь. Для меня что мир финансов, что ядерная физика – примерно одно и то же.

– Финансовый рынок как контактный спорт, много общего. Все время происходит какая-то борьба, все соревнуются со всеми... Люблю держать руку на пульсе.

Он садится за стол из полированной стали и окидывает меня взглядом с головы до ног. Оценивает. Старается, чтобы это было не слишком заметно, и напрасно – мужчины так очевидны... Я прекрасно знаю, что именно он видит. Пропустить со мной раунд-другой он не прочь, но жениться – нет, не тот материал.

Зато моя сестра Моника была отличным материалом для брака. Королева красоты выпускного бала, чирлидер, отличница, девушка с белозубой улыбкой и заразительным смехом. За ней бегали все мальчишки. А я была дурной младшей сестрой – не страшной, конечно,

но и не такой хорошенькой, зато с титками и завлекательной улыбкой. Сестренкой, которая курила с отморозками сигареты за школьным кампусом и вылетела из школы за секс в кабине для индивидуальной работы в библиотеке.

Когда я поняла, что не могу быть такой, как сестра, то решила стать всем тем, чем она никогда не была. И у меня получилось.

– Но финансы лучше, чем спорт, – продолжает Ньюсом. – Здесь счет никогда не бывает ноль что-то там. Здесь каждый, кто вступает в игру, остается в выигрыше. Надо только знать правила. – Он кладет руку на узкую металлическую столешницу, абсолютно пустую, если не считать бейсбольного мяча с автографом и пары навороченных компьютеров. – Итак, миссис Вики Ланьер, чем я могу вам помочь?

– Я разговаривала с финансовыми советниками. Вы их, наверное, знаете. – Я выкладываю на стол визитки тех троих, у кого побывала сегодня. – Скоро у меня будут большие деньги.

Он бросает взгляд на визитки.

– Я недавно релоцировался в Чикаго, так что лично с этими людьми не знаком. Но я их, конечно, знаю, если вы понимаете, о чем я. Я знаю тысячи таких, как они. И уверен, что эти люди могли бы прекрасно управлять вашими деньгами. Но это не то, что вам нужно.

– Вот как?

– Да, вы ведь хотите их приумножить. Вы не хотите летать первым классом, вам нужен собственный бизнес-джет...

Я откидываюсь на спинку стула и кладу ногу на ногу. Вот это подход! Те трое, у которых я была сегодня, начинали с общих фраз вежливости, потом несли ахиною о создании прочных отношений между советником и инвестором, о необходимости вникать в нужды и желания каждого отдельного инвестора и заканчивали стратегиями уменьшения рисков и сохранения активов. Успокаивали меня, старались, чтобы я расслабилась и не нервничала. А этот сразу взял быка за рога: пристегни, мол, ремни, взлет будет вертикальным.

– Вы сказали, что вам предстоит вступить во владение деньгами, – продолжает Ньюсом. – Это наследство? Надеюсь, у вас никто не умер?

– Нет. Вообще-то это не мои деньги, а моего мужа Саймона.

– А, мистера Ланьера...

– Добиаса, – поправляю я. – Саймона Добиаса. Я ношу девичью фамилию.

– Очень хорошо.

– Однако решения о деньгах буду принимать я. Не сейчас, но через десять недель точно.

И я хочу быть готова, когда это случится.

Он явно не понимает. Переспрашивает:

– Так что же случится через десять недель?

– Десятая годовщина нашей свадьбы. Третье ноября. И тогда я получу деньги.

– Ага, – говорит он. – Судя по всему, речь идет о трастовом фонде.

Молодец, Кристиан Ньюсом. Ты угадал.

– Да, отец Саймона оставил ему деньги в трастовом фонде. Вам случалось иметь дело с трастовыми фондами раньше?

Он взмахивает рукой:

– Постоянно. Куда только люди не суют свои деньги, просто удивительно... Но это их дело, не мое.

– Сейчас деньги лежат там только на имя Саймона. Но как только нашему браку исполнится десять лет, они станут совместной собственностью.

– Такие условия поставил его отец? Вы должны были прожить в браке десять лет, прежде чем вам разрешалось коснуться этих денег?

– Не только... По условиям завещания, Саймон тоже не мог потратить их на меня раньше указанного срока.

Кристиан откидывается в кресле.

– Вот как...

– О да, – отвечаю я дрожащим голосом. – Существует доверенное лицо, без чьего одобрения никакой расход денег из трастового фонда невозможен. Например, Саймон мог бы купить машину, но тогда она была бы записана на фонд, то есть на Саймона. Он мог бы купить нам второй дом, скажем, во Флориде, но и тот был бы записан на фонд, то есть на Саймона. Муж хотел купить мне бриллиантовое кольцо на нашу пятую годовщину, но доверенное лицо сказало: «Нет, только не на деньги фонда».

– Жесткие ограничения.

Я улыбаюсь:

– Я не пользовалась доверием отца Саймона.

И тут глаза у Кристиана вспыхивают: похоже, он заинтересовался мной. Что это, неужели я веду себя как плохая девочка?.. Не знаю. А что, может, попробовать?

– Он решил, что если я на самом деле люблю Саймона, то подожду десять лет. Ну а если я вышла за него только ради денег, то и ждать не стану.

Ньюсом молчит, но логику, судя по всему, понимает. А еще он наверняка понимает, что деньги в том фонде должны быть немалые. Но вопросов не задает. Пока. На его сайте есть одна приписка, мелким шрифтом: минимальная сумма вложений – десять миллионов долларов. По телефону секретарша подтвердила эту информацию, но сказала, что иногда Кристиан идет на уступки и работает с меньшими суммами. А я ответила, что десять миллионов – не проблема.

– И за все эти десять лет вы так и не выросли в глазах свекра? – спрашивает Кристиан с улыбкой.

– Отец Саймона умер еще до того, как мы поженились.

– Очень жаль. Но вот вашему браку уже десять лет. Вернее, будет десять – третьего ноября...

– Третьего ноября, – подхватываю я, – я смогу тратить эти деньги когда захочу, сколько захочу и на что захочу. А я хочу забрать их из этого дурацкого банка, где на меня смотрят сверху вниз, и подальше от лап этого доверенного лица с его тупыми разговорами о защите вклада и консервативных...

Я секаюсь – не надо так увлекаться.

– Извините. У меня... накопилось.

– Ничего удивительного. Вы оказались в роли гражданина второго сорта в собственном браке.

Я киваю:

– Но это не потому, что Саймон так хочет. У него нет выбора. Он же не может изменить условия завещания. А вот насчет гражданина второго сорта – это вы, пожалуй, в точку попали.

Он поднимает руку:

– Мне не следовало так говорить. Это мое субъективное мнение, которое мне следовало оставить при себе.

– Да нет, это вполне точно описывает нашу жизнь.

Я подаюсь вперед. Похоже, пора давать старт нашему забегу.

– Мистер Ньюсом, ответьте мне на один вопрос. Когда деньги фонда станут нашим общим достоянием после третьего ноября, значит ли это, что я смогу потратить их без одобрения Саймона? И даже без его ведома?

Я уже трижды задавала сегодня этот вопрос, и каждый раз ответ был одним и тем же. Во-первых, надо знать, как составлены условия трастового фонда, его язык. Во-вторых, если чье-то имя вписано в расчетный счет трастового фонда, то этот кто-то в целом может тратить деньги по своему усмотрению, без ведома остальных держателей счета. Но, в-третьих, чтобы избежать возможных распрей между держателями фонда и даже могущих последовать судеб-

ных разбирательств, лучше все-таки держать остальных владельцев счета в курсе касательно перемещения тех или иных сумм из трастового фонда.

Кристиан Ньюсом отвечает не сразу. Нет, он наверняка знает ответ, но оглашать его не спешит. И не потому, что думает о юридических тонкостях. Он размышляет о том, что я за человек и почему задаю такой вопрос. Не то чтобы его беспокоила моя честность – на это ему наплевать, судя по тому, какая презрительная усмешка всего на миг проскальзывает по его лицу.

– Да, есть способы устроить и так, – отвечает он наконец. – И, пожалуйста, зови меня Кристианом.

Я снова оглядываю офис – бегущую строку с индексами мировых бирж, стену с дипломом Гарварда и сертификатами федеральных агентств. Одинаковые они все, эти парни.

Но не во всем.

– Это лучший ответ, который я слышала за день.

Я беру со стола три визитки, которые лежат там с начала разговора, и демонстративно, одну за другой, рву их на части.

– И, пожалуйста, зови меня Вики.

16. Саймон

Я прохожу полмили от школы до Тайтл-энд-Траст-билдинг, что на пересечении улиц Кларк и Рэндольф, в Петле. Маршрут выбираю длинный, специально чтобы побыть в своем любимом месте: на бетонном променаде у озера, где слева плещет сердитая вода, а справа проносятся по Лейк-Шор-драйв автомобили. Облака ядовитого смога закрывают небо, но это не останавливает ни велосипедистов, ни любителей роликовых коньков, ни бегунов, которые пролетают подо мной кто на север, а кто на юг. Как же я люблю этот город...

Теперь здание переименовали, но многие по-прежнему называют его Тайтл-энд-Траст-билдинг. Именно такое название оно носило в девяностые, когда в нем был офис юридической фирмы моего отца. Он открыл его самостоятельно, после того как откололся от своих прежних партнеров из-за какого-то спора. Тогда в этом здании располагалось немало юридических фирм, самых разных. Может, какие-то из них и сейчас здесь.

Помню, как однажды пришел сюда с отцом в субботу. Мы сели в метро на зеленую ветку и приехали сюда, что само по себе уже приключение, особенно в выходные. Поднялись на эскалаторе на семнадцатый этаж. Отцовский офис был как раз на середине коридора. Помню дверь из матированного стекла с табличкой, на которой замысловатым шрифтом было написано «Юридические услуги Теодора Добиаса», и помню, как мне это казалось круто.

В те дни отец еще «перебивался», как он сам это называл, – занимался в основном производственными травмами и компенсациями рабочим, а еще автоавариями, съездами с трассы и всяким таким. Случались и уголовные дела, обычно связанные с вождением в нетрезвом виде или завладением чужой личной собственностью. Ему бы долбить и долбить Четвертую поправку, но, к несчастью, для этого у него была моя мать. А он выполнял функции чего-то вроде скорой юридической помощи. «Получили травму на работе? Вам нужен тот, кто защитит ваши интересы!»

Слава богу, он не злоупотреблял дешевой рекламой. Его лицо никогда не смотрело на меня с борта автобуса.

А потом отец напал на золотую жилу в виде случая об инвалидности, причиненной ударом электрическим током, и стал миллионером. Тогда он поменял офис. И еще многое в своей жизни.

Я захожу в Тайтл-энд-Траст-билдинг, беру в фойе кофе «Старбакс» и усаживаюсь в приземистое кожаное кресло, каких тут множество. Вытаскиваю зеленый телефон, купленный в Индиане, вставляю в него сим-карту. Впервые со дня покупки я включаю телефон, и пока он оживает, капают первые секунды из оплаченной мной тысячи минут. Делаю глубокий вдох и начинаю печатать:

Проверка... проверка... 1, 2, 3. Проверка... проверка... 1, 2, 3. Эта штука работает?

Нажимаю на «отослать» и перевожу дух.

Она ждет от меня сообщения – нашего первого сообщения – сегодня в десять утра. То есть я надеюсь, что ждет. Надеюсь, что она сидит сейчас с ядовито-розовым телефоном в руке и ждет известия от меня.

Зеленый телефон в моей руке начинает вибрировать. Я чуть не давлюсь кофе от неожиданности.

Ну, здравствуй, незнакомец.

Она пишет другим шрифтом, чем я. Мои буквы простые и квадратные, ее – с округлостями, более изысканные, даже чувственные. Что ж, нам это подходит. Я пишу:

Прием нормальный?

Не самый сексуальный ответ, да уж. Но Лорен живет в старом доме с толстыми стенами, как многие в Грейс-Виллидж. И у многих из тех, кого я там знаю, есть проблемы с сигналом внутри дома.

Она отвечает:

На балконе.

Ага, на балконе хозяйской спальни, значит.

Я пишу:

Мы должны соблюдать осторожность.

Но не отсылаю это сообщение. Что-то не задается у меня начало. Куда это годится: у чувака первый тайный контакт с любовницей, а он расспрашивает ее о качестве связи – что за чушь? А потом сообщает, что надо соблюдать осторожность – вот так романтика...

Да, надо было заранее продумать, что именно я буду писать. Но теперь поздно. Поэтому я стираю написанное и пишу снова:

Нам надо быть осторожнее. Я не хочу тебе все испортить.

Ну вот, так лучше – кавалер выражает заботу о даме. Но сексуальности все еще не хватает. Ну-ка, Саймон, давай, пришпорь воображение.

Я никогда такого раньше не делал.

Не годится. Конечно, это сущая правда, но не годится.

Вопрос по типу популярной телевикторины: Что самое неподходящее он может сказать ей в такую минуту?

(а) Я тебе нравлюсь? Правда? Потому что ты мне нравишься, аж жуть!

(б) Ты устала? Ты же всю ночь являлась мне в моих мыслях.

(с) Я никогда не встречал такой, как ты.

(д) Кажется, я тебя люблю.

(е) Ничего из вышеперечисленного.

Выбираю вариант (е). Попробуем обойтись без слова на букву «л». Как тебе такой ответ:

Я не могу перестать думать о тебе.

Уже лучше. Да. Я нажимаю на «отправить», чтобы не дать себе передумать, и делаю еще глоток кофе. На экране напротив ее имени начинают мигать точки – она пишет:

До встречи.

Вау. Ф-фу-у. Первое включение состоялось.

Я закрываю телефон, выключаю его и вынимаю сим-карту.

* * *

Викер-парк. Когда я был студентом, это было популярное местечко – здесь тусовались, зависали с друзьями, просто жили. Оно и сейчас такое, только народ помолодел и переделся – теперь тут сплошь яппи²⁰, и многие места, где раньше можно было нормально недорого поесть, выпить кофе и послушать музыку, теперь превратились в магазины «АТ&Т» и «Лулулемон» или в банкоматы «Пятый/Третий».

День я провожу в школе. Примерно в семь пятнадцать выхожу и отправляюсь в десяти-мильную круговую пробежку по Викер-парку и назад. Примерно на полпути останавливаюсь у бара «Вива Медитеррейния» на Дамен, к северу от Северной авеню. Здесь я еще не был. В патио, выходящем в переулок, полно посетителей – люди в рабочей одежде сидят тут, видимо, еще со «счастливого часа», студенты и аспиранты только начинают подтягиваться. Этим не повезло – последние два активных лета у них отнял COVID-19, и они только начинают оживать.

Я стою в переулке, потный, по-хорошему уставший, и оглядываюсь по сторонам. Справа от меня задний дворик «Вива Медитеррейния», патио. Слева – задний фасад кондоминиума, вход в который с соседней улицы. Кое-кто из жильцов жарит мясо и попивает коктейли в своих патио.

Итак, я в гуще людей, все отдыхают, меня никто не замечает, не толкается и не пихает.

Решено. Здесь и будет мое место. В проулке за баром «Вива Медитеррейния».

По плану, мы будем писать друг другу дважды в день, в десять утра и в восемь вечера – график, который подходит нам обоим. В остальное время наши телефоны будут выключены. Надо соблюдать осторожность. Ясное дело, почему. Кто захочет, чтобы его – или ее – предоплаченный телефон запиликал и заморгал у всех на виду, пока хозяйка/хозяин, например, в туалете?

Правда, мне придется изменить привычный график пробежек, что очень жаль – я люблю бегать именно по утрам. Но в защиту вечерних тренировок наверняка тоже можно многое сказать, да и этот маршрут, от школы до «Вивы», который я обследовал сегодня, совсем не плох.

Я достаю зеленый телефон – на экране 20.00 – и отправляю такое сообщение:

Проверка... проверка... хотя что это я. Здравствуй, моя прекрасная леди.

Она отвечает немедленно:

Здравствуй, опасный незнакомец.

Главное слово – опасный. Я стараюсь не думать об этом. Но от правды никуда не денешься. Она снова пишет:

Прекрасная – в смысле блондинка, да?

Это она так шутит, ведь она знает, что дело вовсе не в этом.

Ты не просто блондинка. Ты желанная, и забавная, и удивительная, рядом с тобой мое сердце делает по миле в минуту. Как тебе такое, а?

---

²⁰ Яппи – молодые состоятельные люди, ведущие построенный на увлечении профессиональной карьерой и материальном успехе активный светский образ жизни.

Ее ответ:

Это уже ближе к делу.

В патио скандируют хором – в углу работает телевизор, идет какой-то спортивный матч. Хорошо быть молодым... Я снова сосредотачиваюсь на телефоне:

Я хочу сделать для тебя что-нибудь.

Ответ:

Для меня или со мной?

Так, ответный бросок:

С тобой.

На экране перемигиваются точки. Она думает. И вот:

Надо же. У парня с таким христианским именем такие темные мысли... неожиданно.

Отлично. Мне нравится. Хотя, замечу в скобках, имя Саймон Питер, которое дала мне мать, это не отсылка к Библии. Просто ей нравилось имя Саймон, а Питером звали ее отца. Но учителя по религиозному образованию в школе Святого Августина обожали называть меня полным именем.

Я отвечаю:

Ты еще не знаешь, что значит «неожиданно».

Улыбаясь, я выключаю телефон, вынимаю из него сим-карту и по отдельности кладу то и другое в карман беговых шортов.

Такой способ коммуникации полностью отвечает нашим целям. Только надо соблюдать осторожность.

Надо постоянно соблюдать осторожность.

День после Хэллоуина 17. Джейн

Сержант Джейн Бёрк наклоняется и внимательно смотрит в лицо Лорен Бетанкур.

Тело повешенной заснято уже со всех мыслимых ракурсов, включая крупный план узловатой веревки, запутавшейся в металлических завитках кованых перил. Пора снимать. Под присмотром судебно-медицинского эксперта округа Кук, который отдавал приказы офицерам из Виллидж, стоявшим на стремянках и внизу, на полу передней, веревку развязали, тело уступило силе притяжения и, поддерживаемое со всех сторон, скользнуло в черный пластиковый мешок, а после было уложено на каталку.

Нижняя часть лица убитой покрыта царапинами, но они, уверена Джейн, связаны с обломанными ногтями на руках убитой – наверняка женщина отчаянно цеплялась за веревку, которой ее душили. Полосы на шее показывают, что петлю пытались затянуть не однажды, причем в разных направлениях. Самый четкий след остался, разумеется, там, где петля в конечном итоге перекрыла женщине кислород и сломала шейные позвонки. Но есть и еще один след, почти горизонтальный, как будто убийца стоял у нее за спиной и отчаянно тянул за веревку обеими руками, а Лорен также отчаянно старалась сорвать с шеи петлю.

Так представляет себе картину убийства Джейн, хотя знает, что полностью восстановить ее только по сохранившимся деталям все равно невозможно. В том числе потому, что убийца мог попытаться замести следы, хотя в данном случае он этого, кажется, не делал. Но даже девственно-чистое место преступления, как любила говорить ее мать, никогда не расскажет, как именно все случилось.

* * *

– Джейн. – Ее напарник, сержант Энди Тейт, который ведет опрос соседей, входит в дом через южную дверь, то есть через кухню.

– В чем дело?

Он манит ее пальцем. Она идет за ним на улицу.

– Вон тот белый викторианский особняк. Северо-западный угол Томаса и Латроу.

– Ну?

– Там живет семейство Данливи. Включая шестилетнюю Мэри Данливи.

– Ясно.

– Так вот, вчера Мэри ложилась спать около семи тридцати вечера. Немного рановато, но у нее заболел животик. Слишком много сладкого печенья, так?

– Так.

– Часиков в восемь, а то и в восемь тридцать она встала и подошла к окну, которое выходит, заметь, на юг.

Джейн хорошо видит это окно с того места, где они стоят.

– Девочка увидела мужчину, который стоял за деревом и смотрел на дом Бетанкуров. Она говорит, что долго за ним наблюдала. Насколько долго, она не знает. Но говорит, что он тоже долго стоял и смотрел в сторону дома Бетанкуров. А когда ей стало страшно, она спустилась вниз, к мамочке, и сказала ей, что боится. А чего боится, не сказала. И вот сегодня все выяснилось, только что.

Джейн показывает пальцем:

– Возле того большого дерева, на юго-восточном углу?

– Точно.

– И что это был за человек? – спрашивает она.

– На нем был костюм. Черный, с большим капюшоном. Длинный, от макушки до пят.

Лица этого мужчины малышка не видела.

– А про костюм она ничего больше не сказала?

– Вообще-то сказала, – отвечает Энди и протягивает Джейн свой телефон. – Мы с ней вместе перебрали весь каталог маскарадных костюмов.

Джейн видит на экране изображение и вздрагивает. Черное длинное одеяние с удлиненным капюшоном.

– Не хватает только серпа, или с чем он там ходит, – замечает Энди.

Джейн поднимает глаза на напарника:

– Это что... Мрачный Жнец?

– Джейн, тебя зовут.

Джейн возвращается в дом. Там, на лестничной площадке между первым и вторым этажом, стоит Риа Пераино, техник-криминалист центра по расследованию особо тяжких преступлений западных пригородов Чикаго. Джейн работала с Риа по делу о сексуальном насилии два года назад и с тех пор всегда радовалась встрече с ней.

– А мы нашли что-то интересненькое, – говорит Риа нараспев.

Джейн осторожно поднимается по лестнице, Энди Тейт – за ней. У верхней ступеньки Риа делает обоим знак остановиться.

– Всем стоять, здесь хожу только я, – говорит она. – У нас брызги крови по всей лестнице.

– Вас поняли, – говорит Джейн.

Риа, осторожно ступая между отметками на полу, подходит к дальней стене. Там, под многоцветным импрессионистическим полотном, которое ничуть не пострадало, лежит опрокинутый старинный столик цвета теплого какао – наверняка такой цвет называется как-то по-особому, например капучино, – с изогнутыми ножками и пустой полочкой для мелочей. Раньше на нем стояла ваза с цветами (осколки лежат на полу рядом) и рамка с фото Конрада и Лорен Бетанкур (лежит на полу стеклом вниз).

Риа оборачивается, сияя, словно ведущая телешоу, готовая объявить сумму огромного приза. Движением фокусника она поднимает столик и показывает на предмет, который лежит за ним, у самой стены.

– Телефон, – бормочет Джейн.

Ярко-розовый телефон.

– Энди, набери-ка еще разок мобильный номер Лорен, – говорит Джейн. – Тот, который зарегистрирован на Виллидж.

Из мешка с уликами доносится гудение – это вибрирует мобильник, зарегистрированный на имя Лорен Бетанкур, который они нашли на столе в кухне.

– А это тогда чей?

– Одноразовый, как пить дать, – отвечает Энди. – Это не «Айфон» и даже не «Самсунг» из тех, какими пользуются богатые дамочки. Отсюда вывод – это, девочки мои, особый телефон для разговоров с любовником.

До Хэллоуина Август 18. Саймон

– Вызывали, декан? – спрашиваю я.

– О, Саймон... Хорошо, что пришел. Заходи, садись. – Сегодня декан Комсток в фиолетовой бабочке. Фиолетовый – цвет нашей школы. Я терпеть не могу бабочки. В жизни их не носил.

Он мог бы и сам зайти ко мне, ничего с ним не случилось бы. Но это поменяло бы динамику отношений между нами. Хотя, какого черта, у него и так довольно надо мной власти...

– Я надеюсь, у тебя было время обдумать то, о чем мы с тобой говорили.

А говорили мы о том, чтобы я тихо забрал заявление и не отвечивал, когда Рейд Саутерн, сынок твоего благодетеля, займет единственную вакантную должность профессора нашей школы.

– Да, я обещал, что хорошо над этим подумаю. И я подумал.

Но свою кандидатуру так и не отозвал. Правда, я еще не все документы оформил, не послал материалы, но сделать это еще не поздно. Последний срок наступает через пару недель.

Почему я так ничего и не сделал, это, конечно, вопрос. Наверное, это мой пассивно-агрессивный протест против давления декана, способ заставить его понервничать – а вдруг я все же брошу ему открытый вызов и пошлю материалы в последний момент?

А может, я и впрямь их пошлю... Вики ясно дала понять, что она думает об этом, а ее мнение для меня зачастую решающее.

Такого декан явно не ожидал. Наверняка он считал, что после того нашего разговора я еще до каникул пойду и, как пай-мальчик, отзову свою кандидатуру. Кто знает, может, он обещал папашке Рейда Саутерна, мистеру Большие Баксы, что так и будет... Тогда получается, что я его вроде как подставил. А это уже никуда не годится, верно?

– Я надеюсь, ты понимаешь, что я действую сейчас в твоих же интересах, – заявляет Комсток.

Я только киваю – попытайся я облечь ответ, который просится у меня с языка, в социально-приемлемую форму, и меня просто стошнит.

– Саймон. – Декан откидывается на спинку массивного кожаного кресла. – Надеюсь, ты понимаешь, что в наше время любая юридическая школа должна проявлять особенную щепетильность в подборе профессорско-преподавательского состава.

Вот как? Тогда что ты здесь делаешь, декан?

– Разумеется.

– Более того, в наше время приходится учитывать не только профессиональные и иные компетенции преподавателей, но и... тщательно рассматривать их прошлое.

Я хлопаю глазами. И медленно заливаюсь краской под его взглядом.

– За последнее время мы не раз становились свидетелями того, как выдающиеся люди теряли влияние и положение в обществе за проступки, совершенные ими двенадцать, а то и пятнадцать лет назад.

Двенадцать лет назад. Пятнадцать лет назад. Эти цифры не с потолка взяты. Ты славно поработал, декан...

– А когда соперничающие кандидаты идут практически голова к голове, как ты и Рейд, то любая мелочь может оказаться решающей.

Он улыбается. Доволен своей победой.

– Разумеется, когда выбирать не из кого, как, возможно, будет в следующий раз, когда ты выдвинешь свою кандидатуру, – продолжает Комсток, глядя на меня снисходительно-задумчиво, – то никто не станет копать так глубоко. В самом деле, зачем кому-то задаваться вопросом, что человек делал лет, скажем, двенадцать тому назад, в молодости...

Лет двенадцать назад. Лет двенадцать назад.

– Однако в данной ситуации выбор есть... – начинаю я, стараясь контролировать голос, чтобы он не дрожал.

Он разводит руками:

– И мы, разумеется, ищем способ избежать конфликта. Поэтому глубоко копаем. Рассматриваем всю биографию кандидата. Включая и такие детали, о которых сам он забыл упомянуть, поступая к нам на работу.

Я так стискиваю зубы, что челюстям становится больно. Перед глазами мелькают черные мушки.

– С меня никто не брал обязательств раскрывать всю свою подноготную.

– Понятно, Саймон, понятно. И презумпцию невиновности тоже никто не отменял. Ничего ведь не удалось доказать, так? Вот только интересно... что будет с твоей карьерой, если вся эта история выплывет наружу? Я имею в виду суд и все прочее.

Вот именно, суд и все прочее.

– Так что я повторяю: предлагая тебе снять свою кандидатуру на этот раз, я действую в твоих же интересах.

Я медленно поднимаю глаза. Наши взгляды скрещиваются. К его чести, декан смотрит на меня в упор. Правда, льстивая ухмылка так и не сходит с его лица, но взгляд он все-таки не отводит.

– А если я заберу заявление? – спрашиваю я.

– Тогда незачем будет и копаться в этой древней истории. Что касается меня, то я с удовольствием оставлю ее в прошлом, где ей самое место.

19. Вики

Около шести вечера я возвращаюсь с дежурства – закупка продуктов для приюта, групповая сессия с психологом, починка сломанного стеклопакета в спальне второго этажа. Въезжаю в проулок за домом и ставлю машину в уличный гараж. Иду через задний двор, по всему периметру окруженный высоким густым кустарником, – тишина, свобода от чужих глаз – и вхожу в дом через кухню под «динь-дон» сигнализации и придушенный женский голос, сообщающий: «Задняя дверь».

Саймона не слышно. Никаких звуков в «логове», внизу, ни шагов наверху.

– Алло? – кричу я. Ставлю на пол сумку и иду к лестнице. – Саймон?

Тишина. В душе его тоже нет – я бы слышала шум воды.

– Саймон Питер Добиаас!

Может быть, его нет дома? Но он говорил, что будет. Наверное, на пробежку пошел. Его ведь хлебом не корми, дай побегать.

Я подхожу к лестнице.

– Есть там кто-нибудь-удь?

И слышу какой-то звук. Не на втором этаже, выше. Я поднимаюсь наверх. Так и есть, чердачная лестница опущена. Значит, он на крыше.

Поднимаюсь по лестнице, толкаю люк и выбираюсь на доски настила – верхней палубы, как ее называет Саймон. А вот и он, сидит в шезлонге с бутылкой «Джека Дэниелса».

– Эй, – окликаю его я.

Саймон поворачивается, взмахивает рукой.

– Не слышал, как ты вошла, – говорит он заплетающимся языком.

– Ты в порядке?

Я сажусь в шезлонг напротив, лицом к Саймону. Так и есть, глаза стеклянные. Значит, пропустил уже не одну порцию виски.

Я забираю бутылку.

– Что стряслось?

– Что стряслось? – повторяет он за мной, срывается с кресла и раскидывает руки так, словно собрался проповедовать толпе. – Что стряслось? Да то стряслось, что он все знает, вот что стряслось.

– Кто что знает?

– Декан Кумстейн, как ты его называешь. – Он вскидывает голову и кивает: – Теперь я тоже буду его так называть, вот что.

– Что он знает, Саймон? Что знает твой декан?

– Он знает. – Саймон поворачивается и чуть не спотыкается. До края крыши еще далеко, но я уже нервничаю.

– Саймон...

– Двенадцать лет назад, вот когда это было! – кричит он во весь голос и вертится из стороны в сторону, словно обращаясь к невидимым зрителям, как шпрыхсталмейстер в цирке.

Двенадцать...

Только не это. О черт...

– Год две тысячи десятый! Полагаю, что без большого жюри не обошлось в рассмотрении дела об убийстве выдающегося...

– Эй. – Обеими руками я хватаю его за плечи и прижимаюсь лбом к его лбу. – Тише. Тебя услышат.

– Мне плевать...

– Нет, тебе не плевать, – шиплю я, не отпуская его, хотя он пытается вырваться. – Перестань корчить из себя идиота и поговори со мной нормально. Я постараюсь помочь.

* * *

– Я пропал, – говорит Саймон, согнувшись над перилами и обхватив голову руками. – Декан теперь будет иметь меня, как захочет.

Я глажу его по спине.

– Ничего ты не пропал. Мы со всем разберемся.

– С чем тут разбираться? Он держит меня за яйца.

– Что у него на тебя есть? В выводах суда не называется твое имя.

– Брось, Вик. – Он поворачивается ко мне, бледный, взволнованный. – Да если б и назвали, хуже не было бы. Любому, у кого есть хоть капля мозгов, хватит пяти секунд, чтобы понять, кого имеет в виду суд. «Член семьи мужского пола» – вот как там написано. А в другом месте вообще сказано: «Члену семьи было двадцать четыре года». Да сколько у моего отца было членов семьи, во-первых, и скольким из них в мае две тысячи десятого было двадцать четыре, во-вторых? Мама тогда уже умерла, я был единственным сыном, и мой отец тоже. У него не было жены, других детей, сестер, братьев, племянников и плем...

– Ладно, ладно. – Я беру его за руку. – Я все поняла. Тот, кто прочитает выводы суда и будет знать контекст, поймет, что это сделал ты.

– Мало того, они меня еще и спросят. Если дело дойдет до факультетского начальства и комиссии по распределению должностей, они обязательно потребуют подтвердить или опровергнуть, что объектом высказанного судом мнения являюсь именно я. И мне придется во всем признаться.

– Ничего тебе не придется.

Он бросает на меня убийственный взгляд.

– Даже если б я был не прочь солгать по этому поводу – чего я делать не собираюсь, – мне все равно никто не поверит. В их глазах я просто стану еще и лжецом, а не только подозреваемым в убийстве.

– Да хватит тебе твердить одно и то же! Он уже двенадцать лет как умер, Саймон. Никто не наденет на тебя наручники.

– Ну да, не наденет, а знаешь почему? Почитай выводы. Меня спасла чисто техническая формальность – и все будут так думать.

– Ты слишком волнуешься. По-твоему, университетские профессора не способны оценить важность права психотерапевта не разглашать услышанное от клиента во время сеанса?

– Конечно способны. И, скорее всего, согласятся с решением суда. Но это все равно не доказывает, что я не убивал отца.

На это у меня нет возражений. Он прав. Я пытаюсь его утешить, а он прав. Эти выводы суда висят над его головой все последние двенадцать лет, и в них идет речь о наказании за неявку в суд по повестке, выданной большим жюри, которое рассматривало дело об убийстве Теодора Добиаса в его доме в Сент-Луисе, Миссури, куда он перебрался после того, как умерла Глори, а Саймон отрекся от отца. Правда, в документе не называется имя Саймона, но там сказано, что речь идет о члене семьи убитого, которому на момент убийства было двадцать четыре года. Саймон прав еще и в том, что под это описание не подходит никто, кроме него.

Прокурор округа Сент-Луис особенно заинтересовался телефонным звонком Саймона своему психотерапевту ранним утром того дня, когда его отца нашли мертвым в бассейне с ножевым ранением в живот. Саймон тогда нанял адвоката, и тот вел его дело целиком, от начала и до апелляции в суде высшей инстанции, который и вынес решение в его пользу. А ту терапевтку никто даже не спрашивал, что именно сказал ей Саймон.

Полиция, поди, и теперь думает, что отца убил Саймон, только доказать ничего не может. И Саймон прав. У любого, кто посмотрит на это дело со стороны, сложится впечатление, что он избежал приговора лишь технически. И если комиссия по распределению должностей услышит об этом, ему конец.

Саймон выходит на середину просторной «палубы», кладет руки на бедра и оглядывается.

– Отец с мамой часто здесь танцевали. Я тебе рассказывал?

Я подхожу к нему.

– Нет.

– Ага, они брали бутылку вина, маленький бумбокс, поднимались сюда и танцевали. Иногда мама подпевала. Певица из нее была никакая, но ее это не заботило. – Он показывает на стулья. – А иногда мы устраивали пикник, и тогда я сидел вон там, на стуле, с коробкой сока и сэндвичем, и смотрел, как они танцуют. Видела бы ты... – Он опускает голову, трет ладонью шею. – Видела бы ты, как она смотрела на отца. Помню, я тогда думал – как это, наверное, здорово, когда в твоей жизни есть тот, кто смотрит на тебя вот так...

Я касаюсь его руки.

– Извини. Я... слишком много выпил.

Я обнимаю его обеими руками, прижимаюсь лицом к его груди и шепчу:

– Потанцуй со мной.

Мы раскачиваемся вперед и назад. Пою я, наверное, не лучше, чем его мать, так что мы просто качаемся в такт уличным звукам – играют и кричат дети, проезжают машины, из их открытых окон слышна музыка, но особенно помогают птицы, которые чирикают поблизости. Саймон крепко прижимает меня к себе. Я чувствую, как бьется его сердце.

Саймон заслужил, чтобы кто-нибудь смотрел на него так же, как его мать смотрела на его отца. Он заслуживает куда большего, чем могу дать я.

– Я не знаю, что в нем было такого, – говорит он. – В детстве таких вещей не понимаешь, родители – они же просто родители... Теперь, когда я вспоминаю то время, мне кажется, что она одна стояла двадцати таких, как он, а вот поди ж ты, так по нему обмирала... Он был для нее всем. А когда... когда он... когда...

– Я понимаю. Понимаю.

– Это сломало ее. Понимаешь? Просто... сломало.

Поступок его отца сломал и самого Саймона и продолжает ломать теперь, пока он глотает слезы в моих объятиях.

Я глажу его спину.

– Ничего, все обойдется. Все будет хорошо, вот увидишь.

– Мне бы твою уверенность...

– Позволь мне помочь тебе в этом деле. Давай я возьму на себя этого декана.

* * *

– Нет. – Саймон отталкивает меня и поднимает палец. – Нет. Спасибо, но нет.

– Почему? Ты же сам сказал – декан будет иметь тебя, как захочет. И если ты покажешь слабинку, когда он начнет рыться в твоём прошлом, он поймет, что через это сможет вертеть тобой всегда. И ты вечно будешь у него на побегушках.

– Пусть. Я... уйду в другую школу или еще что-нибудь придумаю.

– Ага, и до конца жизни будешь грызть себя по этому поводу... Я же тебя знаю, Саймон. Ты зацikliшь на этом Кумстейке и Рейде Саутерне заодно, как сейчас зациклен на этом дылде из твоей школы, Митчеле Китчензе.

Он берет бутылку и отпивает прямо из горлышка. Ветер треплет его челку.

– Ничего я не заиклен. Я давно о нем забыл.

– Ха!

Саймон смотрит на меня и уже начинает отвечать, как вдруг передумывает. Как он обычно шутит, у него ирландский Альцгеймер – он помнит только обиды и несправедливости.

– Это другое, – снова начинает Саймон. – Речь идет о моей карьере. О том, что я выбрал главным делом своей жизни. И я не хочу, чтобы... как сказать... ну, чтобы на мою профессиональную репутацию легла тень, что ли. Не хочу получить должность только потому, что сам наехал на декана, шантажировал его или что-то в этом роде.

– На должность все равно выбирает факультет; коллеги либо проголосуют за тебя, либо нет, и это зависит от твоих достоинств. А тебе надо лишь подстраховаться, чтобы декан тебя не подставил.

Но Саймон лишь мотает головой, долго и медленно.

– Нет, Вики. На это я не пойду.

* * *

Пьяный и подавленный, Саймон уходит спать – гораздо позже своего обычного времени, особенно если учесть, как рано он встает. Я целую его на ночь, а потом отправляюсь в его кабинет.

Я обещала Кристиану Ньюсому показать ему условия трастового фонда, в котором лежат деньги Саймона, – как именно в них сформулировано то, что его жена не имеет права прикасаться к деньгам до истечения десяти лет брака.

Я нахожу пэджэф-поправки к трастовому фонду Теодора Добиаса, которая передает Саймону деньги, но с условием. И сосредотачиваюсь на его языке, на том чудесном маленьком сюрпризе, который Тед преподнес Саймону после своей смерти:

«...(а) в случае женитьбы САЙМОНА на ком-либо («СУПРУГА») никакая сумма из этого фонда не может быть потрачена на благосостояние и в помощь указанной СУПРУГЕ до истечения десяти (10) лет со дня женитьбы САЙМОНА на СУПРУГЕ. Данное ограничение включает в себя, но не ограничивается следующим: (1) любые расходы на совместное благосостояние САЙМОНА и СУПРУГИ, включая, но не ограничиваясь...»

Вот ведь говнюк, сделать такое с Саймоном... Дать деньги – и в то же время не дать. Ну не хотел он оставлять ему наследство, так и не оставлял бы, но зачем вот так, из могилы наступать на горло семейному счастью сына, которое еще даже не состоялось? И после этого еще говорят о женском воспитании...

И вот это еще мне нравится:

«Лишь в том случае, если САЙМОН и его СУПРУГА проживут вместе не менее десяти лет и за это время ни САЙМОН, ни СУПРУГА ни разу не подадут на развод, ограничение на использование средств трастового фонда, наложенное в параграфе (а), снимается полностью и безвозвратно».

Вот так, «супруга», будь хорошей девочкой и помни, что только через десять лет, да и то если ни один из вас ни разу не психанет и не попытается подать на развод, ты запустишь свои жадные загребушие ручки в трастовый фонд Саймона. Только тогда ты «заслужишь» эти деньги, «заработаешь».

Откуда в тебе столько цинизма, Тедди? Ведь не все женщины выходят замуж за деньги.

Только некоторые.

* * *

В углу комнаты гудит принтер, выплевывая страницу за страницей условий трастового договора. У меня звонит телефон – время вечернего созвона с Эм-энд-Эмс. Я надеваю наушники, чтобы не разбудить Саймона.

Когда нажимаю на кнопку «ответ», то вижу на экране только старшую, Марию. Даже зернистость изображения не мешает мне разглядеть, что мордашка у нее несчастная. Еще бы – у кого, кроме тринадцатилетнего подростка, лицо может быть более пасмурным, чем погода?

– Привет, тыковка, – говорю я и закрываю дверь кабинета, чтобы не шептать.

– Случилось, – траурным голосом объявляет она.

Что случилось?.. А, понятно.

– О'кей. О'кей, все хорошо. Мы же знали, что это скоро будет, так?

Она кивает, а сама куксится еще больше.

– Все в порядке, Мария, это же нормально, абсолютно нормально. Ты с прокладкой?

Она кивает головой, слезы капаят. Первые месячные в жизни – дело пугающее, особенно когда рядом нет мамы, зато есть перспектива, что теперь это будет происходить снова и снова, – то еще удовольствие.

– Отлично! Так, теперь слушай – ты папе сказала?

– Нет! – выпаливает она.

– Ну как же, детка, ты не можешь скрывать это от своего папы; он ведь знает, что это когда-нибудь начнется.

Да, ее отец и мой бывший зять Адам знает, что у несовершеннолетних девочек бывают месячные, хотя мужчины слабо разбираются в женской анатомии.

– Когда... когда ты приедешь? – выдавливает она сквозь слезы.

– В выходные обязательно, о'кей? В пятницу вечером приеду и останусь на весь уикенд.

– О'кей, – хлюпает она. – А когда ты совсем приедешь?

Ах, вот оно что...

– В ноябре, – отвечаю я. – Помнишь, я тебе говорила...

– Но до ноября еще два месяца!

Я беру паузу. Да, действительно, целых два месяца, хотя мне кажется, что он настанет вот-вот.

– Мария, детка, я приеду к тебе в любой день между ноябрем и сегодня, только позови. В конце этой недели приеду. На весь уикенд. И мы пойдем пить молочные коктейли в то место, которое ты любишь.

– К Бартону.

– К Бартону. Будет весело. И ноябрь, – добавляю я, – наступит очень быстро, ты и оглянуться не успеешь.

* * *

Закончив разговор, я крадусь по коридору к двери спальни, проверить, как там Саймон. Он мирно спит и видит хмельные сны о большом жури и декане юридической школы.

В ноябре я от него уйду, это точно. Так будет лучше для всех – для меня, для самого Саймона, да и для девочек, моих племяшек, тоже – я нужна им рядом. Но я не могу бросить Саймона *вот так*, когда его будущее в юридической школе висит на волоске.

Потому что дело обстоит именно так. Если Саймон намерен и дальше позволять декану шантажировать его прошлым, то лучше ему собрать вещи и уйти прямо сейчас. Но это его убьет. Конечно, преподавать можно где угодно, но он любит Чикаго, любит свою школу...

И тогда у него навсегда останется такое выражение лица, как сегодня. Выражение человека, который потерпел поражение и смирился.

Нет. Я этого не позволю. И нечего спрашивать разрешения Саймона.

Я сама займусь этим деканом.

Я берусь за телефон и набираю номер Рэмбо.

– Мисс Вики! – раздается в трубке знакомый голос. – Опять не спится?

– Мне снова нужны твои услуги, – говорю я. – Когда мы сможем встретиться?

20. Саймон

Нет, я не заиклен на Митчеле Китчензе. Просто вспоминаю о нем иногда.

Конечно, прежде всего из-за той клички, «Мини-Мы». Ведь он всегда дразнил меня прилюдно, специально выбирая для этого и место, и время. Например, утром, когда я выходил из школьного автобуса. Или в холле, где вечно полно народу. А иногда специально выискивал меня на школьной ассамблее²¹, именно чтобы подразнить. Даже присутствие моей матери его не смутило... Однажды во время занятий мне стало плохо, и ее вызвали в школу, чтобы она забрала меня домой. Из кабинета директора мы шли через спортзал, где Митчел и другие борцы разминались на матах (наш физрук был тренером по борьбе, поэтому на его уроках борцы занимались в одном зале со всеми, просто у них была своя тренировка, вдобавок к вечерней).

Короче, мы с мамой шли через спортзал, и вдруг Митчел как заорет: «Эй! Это же Мини-Мы! Привет, Мини-Мы!» Я молчал, но знал, что будет дальше: он будет орать во все горло, пока я не повернусь и не отвечу, то есть признаю, что это моя кличка. Страшное унижение. Я понадеялся, что раз рядом моя мать, то он скоро уймется, но не тут-то было.

Мама остановилась так внезапно, как будто наткнулась на стену, и повернулась к Митчелу. Молча. Я не видел ее выражение лица, но могу представить. Зная свою мать, ее быстрый ум и острый язык, я не сомневаюсь, что она была готова отбрить тупого неандертальца Китченза так, чтобы над ним еще долго ржала вся школа. Но она лишь посмотрела на него молча, и мы пошли дальше.

Мама не расспрашивала меня об этом, ни когда мы вышли из школы, ни когда приехали домой. Понимала, как это унижительно для меня, ждала, что я заговорю сам. Но я не заговорил.

Увы, Китченз не ограничился только кличкой. Кличка – это еще полбеды. Дело обстояло гораздо хуже.

А вот это уже совсем неприятно вспоминать. Хорошо, что я не заикливаюсь на прошлом...

* * *

Аншу как раз входит в свой кабинет по соседству с моим – вернее, вставляет ключ в замочную скважину, когда я прохожу мимо, направляясь на восьмичасовую пару.

– Профессор Биндра... Не рановато, а?

– Заседания, заседания и еще раз заседания, – откликается он. – Привилегия профессорской должности! Так что давай, подавай заявку, пока еще не поздно.

– Даже не начинай.

Аншу ничего не знает. То есть он знает, конечно, что декан попросил меня снять свою кандидатуру, чтобы Рейд Саутерн мог беспрепятственно получить должность. Но он не знает о втором разговоре с деканом и о слабо завуалированных угрозах. И никогда не узнает. Вот ведь в чем особая красота хода Комстока – я не могу даже пожаловаться на него, не выложив свою историю.

Мне еще повезло, что в свое время она не имела резонанса здесь, в Чикаго. Наверное, потому, что все случилось в другом месте. Отец тогда работал на юге штата, в округе Мэдисон, славящемся судебными решениями о компенсациях работникам асбестовых производств, обо-

---

²¹ Ежегодное имиджевое событие, торжественная церемония награждения учащихся, подводящая итог учебным достижениям каждого ребенка по результатам учебного года.

готивших не одного адвоката и пустивших по миру не одну компанию; жил он в Сент-Луисе. Так что убийство, расследование и суд происходили там.

Когда полиция пришла ко мне с обыском, я был уверен, что об этом напишут все местные газеты. Но этого не случилось. Я до сих пор думаю, что меня спасли дорожные работы в нашем квартале. Из-за них две полицейские машины и фургон с криминалистами встали в проулке за домом. Вот почему никто, кроме моих соседей Дирборнов, не мог увидеть, как служители закона входят и выходят через заднюю дверь. А Дирборнов в тот день, кстати, не было в городе. Полиция Грейс-Парк участвовала в обыске, но никакой информации в прессу от них не просочилось. Конечно, те соседи, которые жили подальше, может, и интересовались, что стряслось, но меня ни о чем не спрашивали. Точнее, у них просто не было возможности спросить – ведь я целыми днями пропадал в юридической школе, а утро и вечер тратил на дорогу.

Подспудно я продолжал ждать заголовков в прессе – «Полиция обыскивает дом сына убитого. Житель Грейс-Парк подозревается в убийстве, совершенном в Сент-Луисе»... Что-нибудь в таком духе. Но они так и не появились. Ни в тот месяц, ни в следующий, ни через год. А я все ждал, затаив дыхание, когда, как говорится, упадет второй ботинок²² и тайное окончательно станет явным. Казалось бы, это должно было случиться, когда полиция попыталась выяснить, для чего я звонил доктору Макморроу, когда моего отца нашли мертвым. Мне пришлось выдержать целую битву в апелляционном суде штата Миссури за право не разглашать суть разговора с психиатром. Я был уверен, что уж об этом точно напишут в газетах, – но опять тишина. В Сент-Луисе об этом писали, а в Чикаго нет.

Я действительно не сообщил об этом, когда выставил свою кандидатуру на должность профессора. А зачем? И что рассказывать? Что меня вроде как подозревали однажды в убийстве, но ничего не смогли доказать?

Конечно, меня более чем *вроде как подозревали*, но доказать все равно ничего не смогли.

До сих пор не понимаю, что полиция рассчитывала найти. Неужели они думают, что убийцы такие тупые, что хранят улики прямо у себя дома, да еще, может, по комнатам раскладывают?

Помню, я на них почти обиделся.

– Неужели вы в самом деле думаете, что если б я хотел убить отца, – сказал я копам, которые везли меня на допрос в Сент-Луис, – то выбрал бы для этого ночь перед выпускным экзаменом в колледже? То есть сначала проехал бы всю дорогу от Грейс-Парк до Сент-Луиса, заколол бы его, еще шесть часов крутил баранку обратно и, невыспавшийся, пошел бы к восьми утра на экзамен? Какой в этом смысл?

– Никакого, – отреагировал детектив по имени Рик Галли. – Вот потому-то это и было бы превосходным алиби.

Я едва сдержал улыбку.

Кстати, за тот экзамен я получил высший балл.

* * *

– Спасибо, Мария, – говорю я и хлопаю в ладоши один раз. – Итак, большинство считает, что полиция имеет право копаться в вашем мусоре, добывая улики против вас, еще до получения ордера на обыск. А что говорил на этот счет судья Бреннан? Кто-нибудь, кроме Марии, уже имел смелость схватиться с этим тяжеловесом от юриспруденции?

Я не поклонник сократовского метода обучения, когда студентов вызывают по именам и нещадно муштруют, вбивая в них знания. Помню, как сам я ненавидел то напряжение, тре-

---

²² «Ждать, когда упадет второй ботинок» – ждать события, которое произойдет вследствие другого события, и тревожиться по этому поводу.

возное ожидание и страх, который накатывал всякий раз, когда профессор окидывал взглядом список группы – кого-то теперь вызовут для публичной порки?

Но не подумайте, я не из тех, кого студенты зовут «добрыми преподами», – если студент сам вызывается отвечать, то я не даю ему спуска, спрашиваю дотошно. И они это знают. Но ведь и опрос можно устраивать по-разному: можно задействовать критическое мышление студентов, пробудить в них желание спорить, отстаивать свою точку зрения, доходить до сути – а можно и другими способами...

– Брэд, – вызываю я того, кто поднял руку.

– Судья Бреннан был не согласен.

– Да, Брэд, но это, с позволения сказать, лишь общее обозначение его расхождения с общепризнанным. Не будешь ли ты так любезен уточнить суть его несогласия?

– Он сказал, что если люди упаковывают свой мусор, перед тем как выбросить, значит, они ждут, что содержание этих пакетов останется тайной. Мы выбрасываем те или иные вещи не потому, что нам просто нужно что-то выбросить, а потому, что не хотим, чтобы кто-то рылся в них и проверял, что именно мы выбросили.

– Но ведь мы знаем, что сборщики мусора приедут и заберут наш мусор, – возражаю я. – Или нет?

– Мы ожидаем, что они приедут, заберут наш мусор и отвезут его на мусорный полигон, – отвечает парень. – Но не предполагаем, что они начнут вскрывать наши пакеты и рыться в их содержимом.

– А когда человек складывает свои вещи в мешок и выставляет его на обочину дороги, разве не обозначает он тем самым, что потерял к ним интерес и фактически отказался от права собственности на них? Разве он не сообщает так миру: мне больше не нужны эти предметы?

– Наверное, сообщает.

– И если человек по собственной воле отказался от своих вещей, то какие он имеет права на них после этого? Например, имеет ли он право возражать против того, кто и как использует их дальше?

На этот вопрос существует даже не один ответ, а несколько, и они отличаются друг от друга тонкостями и деталями, благодаря которым судебные решения обретают неповторимость и уникальность человеческих лиц, а их изучение превращается в живой и увлекательный процесс, сродни квесту. Вот почему для студентов юридической школы главное – не зубрить законы, а учиться думать и находить в них такие нюансы, которые помогут им отстаивать свою позицию, подчеркнуть ее сильные стороны и свести к минимуму недостатки. То есть идти к цели, опираясь не только на логику, но и на чувство.

* * *

После первой пары я выхожу из школы и иду пешком к Тайтл-энд-Траст-билдинг, где оказываюсь в десять часов. Захожу в фойе, беру кофе в «Старбакс», усаживаюсь в кресло, вставляю сим-карту в телефон и включаю его. Пишу:

Как у нас сегодня дела?

Она отвечает сразу:

А, незнакомец, привет.

Похоже, такое начало входит у нее в привычку. Мой ответ:

Я все еще незнакомец? После всего, что было?

Ее ответ:

Тогда так: привет, высокий смуглый красавец.

Это вызывает у меня улыбку. Конечно, я не так уж высок и не то чтобы смугл, а уж «красавец» и вовсе форменное преувеличение, но мне все равно приятно. Я даже решаю не обращать внимания на то, что она пропустила кавычки. Телефон вибрирует снова.

И ты не незнакомец, ты – загадка.

Как она мило выражается... И все же она права: для нее я – незнакомец. Телефон вибрирует еще раз:

Мне нравится твоя тьма. Я хочу быть твоим светом.

Я перевожу дыхание. Хоть что-то в моей жизни идет так, как надо.

21

Вторник, 30 августа 2022 года

Все это похоже на веселую, слегка безумную поездку на автомобиле, которая закончится в пропасти. Так вот, значит, как выглядит наркомания изнутри, когда самым важным в жизни становятся ощущения, которые дает тебе укол, порошок или таблетка, хотя ты и знаешь, что кончится все наверняка плохо? Но ты все равно продолжаешь, потому что...

Нет, достаточно просто сказать «ты все равно продолжаешь» – не только продолжаешь, но и не хочешь ничего, кроме этого, саморазрушение становится для тебя смыслом жизни. Значит ли это тогда, что именно оно, саморазрушение, и было для тебя главным с самого начала, но тебе не хватило смелости признать это, и тогда ты завернул его в яркую обертку мимолетного удовольствия, вроде кайфа, который наркоман испытывает от таблетки?

Однако если саморазрушение – это главное, то почему бы не сэкономить себе и другим время; не взять нож или пистолет и не покончить со всем сразу? Но нет, простые решения не для тебя, верно? Тебе нужен не просто конец, тебе нужны страдание, боль, медленный упадок, приближение катастрофы; тебе нужно, чтобы твое тело начало отказываться служить тебе, чтобы твой счет в банке катастрофически опустошался или чтобы ты предал тех, кого любишь, и тогда ты с наслаждением будешь наблюдать за своей постепенной деградацией. Ты жаждешь наказать самого себя.

Значит, вот чем я занимаюсь с тобой, Лорен? Неужели ты – мой наркотик? Наказываю ли я себя тем, что погружаюсь в тебя снова и снова, зная, что ты все равно бросишь меня, и тогда я полечу напрямиком в пропасть?

Иногда такое чувство охватывает меня ночью, когда я лежу без сна, думая о том, что мы с тобой творим и куда мчимся, и не могу избавиться от мысли, что это все неправда. Это не может происходить на самом деле. И тогда я сомневаюсь в твоей любви. В твоей преданности. Убеждаю себя, что однажды ты проснешься и задашь себе вопрос – а что я нашла в этом парне? И тебе не понравится ответ...

Если это случится, то я не знаю, что сделаю. Вся моя жизнь со всем, что в ней есть, не значит для меня и половины того, что значишь ты.

День после Хэллоуина

22. Джейн

– О'кей, послушаем, – говорит шеф Рей Карлайл, входя в конференц-зал, где обосновалась следственная бригада. Он всего полтора часа как вернулся в город и сразу примчался в дом Бетанкуров, где его полностью ввели в курс дела.

Сержант Джейн Бёрк поднимает голову и подслеповато моргает. Вообще-то зрение у нее всегда было отличное, и только теперь, в тридцать семь, она стала задумываться о том, не завести ли очки для чтения. А в последние сорок восемь минут, пока она корпела над распечатками переписки по розовому телефону, даже пожалела, что до сих пор этого не сделала.

За стенами конференц-зала суета. Все трудятся не покладая рук. Все двенадцать патрульных полицейских здесь, помогают экспертам из группы тяжких преступлений; еще от четырех до шести сержантов постоянно на связи; шеф полиции и его помощник полностью заняты только этим делом. Так что самой Джейн предстоит теперь в основном координировать их работу.

– Лорен переписывалась по этому телефону только с одним абонентом, – говорит она. – Не звонила, а именно переписывалась. Перед самым Хэллоуином была пара пропущенных звонков, но остальное – сплошь эсэмэски.

– То есть у телефона было специфическое предназначение.

– Очень, – отвечает сержант Энди Тейт. – Как мы и думали. У этих двоих был роман, это точно.

– Как я понимаю, именами они не пользовались.

– Было бы слишком просто. – Джейн подталкивает к начальнику стопку печатных листов. – Они были очень осторожны. Буквально во всем. Писали друг другу дважды в день, в десять утра и в восемь вечера. Иногда вечерние или утренние сеансы связи оказывались пропущенными, но если они писали, то только в это время.

Шеф Карлайл кивает.

– Значит, так им было удобно... Например, в это время рядом нет мужа. По крайней мере, у Лорен. Но кто знает, вдруг ее избранник тоже женат?

– С первого просмотра не понять, – говорит Энди. – Но мы прочитаем еще раз, внимательно. Какую-нибудь зацепку да найдем. Не может же быть, чтобы совсем ничего не было.

– Давайте начнем сразу с главного, – предлагает Джейн. – Последнее сообщение, самое подозрительное из всех. Оно на последней странице, единственное.

Шеф Карлайл берет со стола распечатки и находит последнюю страницу, но Джейн уже читает сама, вслух:

Прости меня, Лорен. Прости за то, что я сделал, за то, что ты не любила меня. Но я нисколько не жалею, что любил тебя так, как никто другой. Надеюсь, там ты примешь меня и позволишь любить тебя так, как не хотела быть любимой здесь.

– Ха. «Прости за то, что я сделал». Вот уж и признание в кармане. «Там ты примешь меня». «Позволишь любить тебя так, как не хотела быть любимой в этом мире». Получается, наш преступник решил сделать нам одолжение и досрочно отправиться на тот свет? – Шеф смотрит на Джейн. – Может, он нам еще и координаты оставил, где именно собирается осуществить свое самоотверженное деяние?

– Мы уже разослали по округу запрос обо всех подозрительных смертях за прошлую ночь, – говорит Джейн. – Скоро все узнаем.

Шеф кивает:

– Есть какие-нибудь соображения, как он до этого докатился?

– Вчерашний вечер, – отвечает Джейн. – Хэллоуин. Две странички назад.

Шеф Карлайл снова листает, и Джейн читает вместе с ним сообщения, принятые и отправленные 31 октября, после того как ряженые закончили ходить по домам и просить сладости.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АБОНЕНТ

ТЕЛЕФОН ЖЕРТВЫ

Пн, окт 31, 20.09

Гадость или сладость?

Пн, окт 31, 20.12

Алло? Ты дома? Нам надо поговорить.

Пн, окт 31, 20.14

Проверка связи... 1, 2, 3...

Проверка, проверка... 1, 2, 3

Пн, окт 31, 20.15

Не дома, говорила тебе,
за городом

Пн, окт 31, 20.16

Странно, а кого я тогда
только что видел в большой
комнате? Привидение?

Пн, окт 31, 20.17

Просто хочу поговорить

Пн, окт 31, 20.18

Впусти меня, мы же
взрослые люди. Давай
поговорим. Я знаю, ты еще
любишь меня. Зачем ты
притворяешься?

Пн, окт 31, 20.16

Ты у моего дома????

Пн, окт 31, 20.18

Не о чем говорить уходи
домой пожалуйста уходи!

Пн, окт 31, 20.19

Уходи
ВЕДИ себя как взрослый
мне жаль, но ты знаешь все
кончено

Пн, окт 31, 20.21

Что ты делаешь ты что
спятил??

Пн, окт 31, 20.22

Перестань пинать дверь
я вызову полицию

Пн, окт 31, 20.23

Давай вызывай ну

Пн, окт 31, 20.25

Я открою если ты будешь
вести себя спокойно

Пн, окт 31, 20.26

Обещаю клянусь

Шеф даже присвистнул.

– Черт меня побери, если это не весь наш случай вкратце. Он ей надоел, и она дала ему отставку. Но он не смиряется, стоит у нее под окнами, рыщет вокруг дома. Он шлет ей эсэмэски, она врет, что ее нет дома, но он ловит ее на вранье, потому что видит ее в окно. Он устраивает сцену, начинает ломиться в дверь. Тогда она впускает его, а он ее убивает.

– Ага, предварительно напялив костюм Мрачного Жнеца, – поддакивает Энди. – Причем дело происходит черной-черной ночью.

– Да пусть теперь что хочет напяливает, – отвечает шеф. – Далеко не уйдет.

До Хэллоуина Сентябрь 23. Вики

После Дня труда²³ я снова иду в офис Кристиана Ньюсома. Встреча назначена на четыре. Закончив читать его предложение, я смотрю на него. Он все так же небрежно-красив, в дорогом темном пиджаке, не в том же, что в прошлый раз, зато ворот рубашки распахнут по-прежнему, и выражение лица прежнее – хищное, как будто нацелился на добычу.

– Вода? – говорю я.

– Это следующий бум, – отвечает Кристиан. – Вода превращается в ценный и редкий ресурс. И это будет продолжаться, пока население планеты будет расти. Уже сейчас оно составляет семь или восемь миллиардов, а объем воды, пригодной для людских нужд, составляет всего одну десятую от всего мирового запаса.

– Вау.

– Вот именно, – говорит он и показывает на меня карандашом. – И как нам извлечь из этого выгоду? Можно вложиться в богатые водой регионы и возить воду оттуда, но это дорого. Слишком высок порог первого вложения.

– Какой порог?

– Перевозить воду трудно. Нужны специальные трубопроводы, а это порождает проблемы. Трубопроводы дороги, политически непопулярны, они обостряют проблемы права собственности. Нарушают экосистемы. А главное – мы изымаем воду из ее естественной среды, а значит, для всех организмов, которые живут в водоемах, для растительности по его берегам и вокруг них это может стать катастрофой.

– И что же делать?

– Надо вкладываться не в воду, а в еду. И это уже будет менее спорный и не столь противоречивый способ перераспределения водных ресурсов. Воду не надо будет транспортировать. Достаточно просто выращивать еду в тех регионах, где воды много, и перевозить ее туда, где воды мало. Ты когда-нибудь задумывалась, сколько нужно воды, чтобы вырастить даже небольшое количество пищи? Две тысячи галлонов воды уходит на производство всего одного фунта говядины. А ведь продавать еду выгодно, так? Значит, это гарантирует стабильный прирост. Пищевая промышленность ведь не остановится.

– То есть ты скупаешь земли.

– Точно. Я уже принес моим инвесторам больше трехсот процентов КОИ²⁴. А следующие пять лет станут еще лучше. Ты даешь мне двадцать один миллион долларов сегодня, а я возвращаю тебе сто пять миллионов через пять лет. Обещаю, Вики, это будет лучшее ралли в твоей жизни.

У меня перехватывает дыхание. Еще бы не лучшее. Помню, когда мне было шесть, я обвязывала шнурком левый башмак, потому что подошва совсем отстала, а на новую обувь родителям не хватало денег. Так я и проходила целый год, приволакивая левую ногу, чтобы не потерять подошву. В восемнадцать, оставшись одна, я раз в неделю сдавала кровь за деньги, а в двадцать регулярно давала хозяину квартиры вместо арендной платы.

Видя, что я не отвечаю, Кристиан говорит:

– Если тебя пугают риски, то дай мне десять миллионов, а я превращу их в пятьдесят. Другие десять можно вложить в акции азиатских компаний. Они тоже скоро взлетят, хотя и

---

²³ День труда – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

²⁴ КОИ – коэффициент окупаемости инвестиций.

не так высоко, как водяные. И все же диверсификация вложений обычно приносит больше уверенности.

К двадцати четырем годам секс стал для меня единственным способом выживания, универсальным платежным средством. Я была эскортницей и жила в Индианаполисе. Мне повезло встретить женщину, которая объяснила, что единственный способ выжить, работая проституткой, это завести постоянных клиентов-копов. Они позаботятся о том, чтобы тебя не арестовали; они же и заступятся, если кто-то из клиентов обойдется с тобой плохо. Моими клиентами были в основном женатые мужчины с деньгами, искавшие развлечений на стороне. И копы. Иногда это был секс за деньги, а иногда – за услуги. Я научилась неплохо жить за мужской счет. Дорогие обеды обычно заканчивались в постели – в его или в моей. Последнее было выгоднее, так как означало полный холодильник еще на пару дней.

Поэтому суммы, о которых говорит сейчас Кристиан, для меня так же нереальны, как полет на Марс.

– Или, – произносит он вдруг, – мы ничего такого не делаем.

Мне становится интересно.

– Слушай, Вики, такое я предлагаю не всем. Обычно моих инвесторов не очень волнует изнанка. Но они могут рискнуть двадцатью миллионами, потому что у них есть еще двадцать раз по двадцать. У тебя – нет. Я это понимаю. К тому же двадцать миллионов долларов – это вполне приличные деньги. Их можно поделить, одну часть вложить в облигационные фонды, где нет почти никакого риска, другую рассовать по фондам индексированных ценных бумаг и жить на проценты, а основной капитал почти не трогать. И жизнь будет вполне комфортной. всю свою жизнь ты проведешь в комфорте – если, конечно, тебе хочется именно этого. И я могу это для тебя устроить. Или я, или любой из тех финансовых советников, к которым ты уже ходила. Я не обижусь. Мне незачем продавать себя любой ценой.

Я перечитываю его предложение.

– Так ты можешь собрать для меня портфолио пониженного уровня риска?

– Конечно, если ты хочешь.

– Но ты этим не занимаешься. Я ведь о тебе читала, и, судя по всему, снижение рисков – не твой стиль.

– В общем, нет. Точнее, я никогда раньше такого не делал.

– Но для меня сделаешь.

Он приподнимает плечо:

– Постараюсь.

– А почему? – поддеваю его я.

– Я... ты мне нравишься, – отвечает он. – Мне нравится твой стиль.

Так я и думала.

Я медленно киваю. Он не отрываясь смотрит мне прямо в глаза. Я первой отвожу взгляд и смотрю сначала на кожаный диван у стены, а потом снова на него. Он все еще смотрит мне в глаза.

– У тебя есть еще встречи сегодня?

Секундная пауза.

– Нет.

– Когда уходит твоя секретарша?

Он смотрит на дверь, уже почти не сомневаясь, что понял ситуацию правильно.

– В пять.

– Может, отпустить ее сегодня пораньше, пусть порадует жизни, – предлагаю я.

Вот теперь он точно уверен – и знает, что ему делать.

– Можно.

Я ухмыляюсь:

– Так давай.

Он нажимает кнопку на телефоне.

– Эмили, у меня на сегодня все. Почему бы вам не уйти немного пораньше?

Я встаю и начинаю расстегивать платье, нарочно медля на каждой пуговице, и наблюдаю за тем, как он наблюдает за мной. Но вот платье соскальзывает на пол. Я переступаю через него туфлями на каблуках и облакачиваюсь о стол.

– Я предпочитаю вариант один, мистер Ньюсом. Устройте мне ралли моей мечты.

24. Вики

– Может, ты и прав насчет воды. Потому что я сейчас за бутылку воды убить готова. – Я разлеплю наши потные тела и сползаю с дивана.

– В холодильнике, у бара... Боже, где мои манеры? – Вид у Кристиана самодовольный и сытый, какой всегда бывает у самца, считающего, что он только что перевернул мое представление о реальности.

Нет, он был хорош. Не настолько хорош, как он сам о себе думает, но вполне ничего. Он знает, что делает. Просто я никогда не дохожу до той точки, когда секс начинает приносить удовлетворение. Грубое, кратковременное физиологическое удовольствие я еще могу получить, и то если звезды сойдутся, а вот эмоциональное удовлетворение – нет.

Беру из холодильника две бутылки воды и возвращаюсь на диван. Кристиан садится, не упуская случая еще раз продемонстрировать мне кубики на животе. Да, тело у него отличное, ничего не скажешь. Наверное, он из спортзала не вылезает, шлифует свою мускулатуру. Не помню, кто сказал, что бодибилдинг сродни мастурбации, но этот кто-то был прав.

Кристиан открывает бутылку, пьет и довольно вздыхает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.